ТАТЬЯНА МОСКВИНА

ПРИВЕТ, НАРОД

PRIVET, NAROD!

ЛИМБУС ПРЕСС

Татьяна Москвина

Привет privet, народ narod!
Собрание маленьких сочинений

«Издательство К.Тублина»

2021

УДК 82-4
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Москвина Т. В.

Привет privet, народ narod! Собрание маленьких сочинений /
Т. В. Москвина — «Издательство К.Тублина», 2021

ISBN 978-5-8370-0893-1

Татьяна Москвина, известная читателю как писатель, драматург, публицист и один из ведущих российских театральных критиков и театроведов, выступает в этой книге автором весьма оригинального жанра. Здесь собраны небольшие, но вдумчивые и чрезвычайно остроумные, заметки, которые ранее печатались на страницах журнала «Панорама TV», самого многотиражного телегида Петербурга. Автор не позволяет скоротечной жизни уходить без следа, как вода уходит в песок, - благодаря таланту и наблюдательности Москвиной мы можем услышать шорох ускользающего времени и вновь оживить в памяти события, свидетелями которых были.

УДК 82-4
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0893-1

© Москвина Т. В., 2021
© Издательство К.Тублина, 2021

Содержание

Предисловие автора 5
1 6
В мире изобрели советский велосипед 6
Котлеты нашей мечты 7
А где День кондуктора? 8
Ленинградцы этим не занимались 9
С пышками-то получилось! 10
Теперь кофе с молоком, пожалуйста 11
Нельзя – значит, никому нельзя 12
Где логика? 13
Одолевая вещизм 14
И они вернулись 15
Так был ли дедушка? 16
Советское отличное 17
Невиновны и забыты 18
Это были другие люди 19
Неужто Делону пора пить одеколон? 20
Мы самые модные! 21
Был рынок – и нету рынка 22
Совместить неприятное с бесполезным 23
Жду котёнка 24
Ему достаточно! 25
Хорошо бы хором 26
Газон: для чего нужен он? 27
А если звёзды не зажигают? 28
Привет privet, народ narod! 29
2 30
Идите вы к баскам 30
А зачем быть богатым в Петербурге? 31
Не знаю я! 32
Найти вкус халвы 33
Прав ли профессор? 34
Кого надо спасать 35
Кто тут воспитанный человек? 36
Аудит вожделений 37
Авторитеты, вы где? 38
Вязать или не вязать 39
Русский сувенир: возможно ли обновление? 40
Проверять, проверять и ещё раз проверять 41
А нам как заряжаться? 42
Одним словом 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Татьяна Москвина
Привет privet, народ narod!
Собрание маленьких сочинений

Предисловие автора

Эта книга состоит из моих заметок, которые с 2017 года публикует петербургский еженедельник «Панорама TV», являющийся расширенной телевизионной программкой с элементами популярного журнала. Тираж у «Панорамы», в сравнении… да в сравнении с какой угодно печатной продукцией, – астрономический по нынешним временам. А если учесть, что «Панораму» часто берут не для одного читателя, но на всю семью – могу с гордостью сказать: меня читает народ (Северо-Запада).

Не так-то просто сообразить, как писать для народа, ведь я вовсе не народный писатель. Николай Лесков утверждал, что для народа следует писать «с дымком, с грязью и с дуринкой». Я этого не умею. Я вообще отщепенец, личность своеобразная до патологии, но тем не менее – бывшая советская девушка и дочь трудового народа. В моей сложности есть простые элементы – хотя бы опыт быта, с которым я могу присоединиться к людской общности. Никогда не покидала Родину больше чем на три недели. Хожу по улицам Петербурга и Москвы, вдыхая полной грудью воздух сего дня. В охотку смотрю русские сериалы! Могу *быть понятной* и даже полезной. Во всяком случае, до сих пор читатели «Панорамы TV» не роптали на меня, а совсем напротив.

За четыре года трудовой вахты накопилось, как вы понимаете, немало заметок, которые я отобрала и рассортировала по рубрикам. Читатель может представить себе эту книгу как род прогулки с разговорчивым собеседником, который горазд болтать и шутить на всякие темы – о Ленинграде и Петербурге, о пышках и котлетах, о криминальных сериалах и театральных премьерах, о том, что делать и чего не делать, об актёрах, женском гении и крупных мелочах жизни… Коврик вышел пёстрый, незатейливый, но сотканный довольно прилежно и не без выдумки. Одних названий сколько изобретено (в книгу вошло более ста пятидесяти «маленьких сочинений»), а это, между прочим, целое искусство. Оттенок назидательности немножко искупается тем, что, надеюсь, некоторые мои «маленькие сочинения» могут сойти за юморески.

Что ж, поехали-полетели – и привет privet, народ narod!

Твоя Татьяна Москвина

1
Родом из Санкт-Ленинграда

В мире изобрели советский велосипед

Когда до меня доходят известия о мировых бурях, замешанных на правах, скажем, чернокожих и разных прочих меньшинств, грозные требования прекратить смотреть на женщину как на сексуальный объект и предоставить ей подлинное равноправие, я, родившаяся через пять лет после смерти Сталина, различаю в этих бурях отлично знакомые звуки.

Слушайте, я всё детство, девичество и юность провела под властной диктатурой удивительно похожей идеологии. Права нацменьшинств были прописаны незыблемо, и когда в вузе брали без очереди, по разнарядке так называемых «нацменов», это решительно никого не удивляло: так надо, следует поддерживать в «нацменах» тягу к образованию, предоставлять им преимущества. Женщина как предмет вожделения? Да что вы, какой ужас, женщина – друг и товарищ, равноправный строитель нового мира. Всяких там фифочек, увлечённых тряпками и диванчиками, советское искусство нещадно бичевало. Косметику выпускали простую, суровую, нижнее бельё такого же рода, а о модной индустрии и каких-то там «конкурсах красоты» никто даже и не мечтал. Разумеется, люди всячески изворачивались, приукрашивались, но общая идеологическая линия была тверда.

А вот теперь не настало ли время достать образчики того, советского бельишка? И костюмов, платьев и пальтишек фабрики «Большевичка»? Они очень могут пригодиться для фасонов нового мира, где самым страшным стало посмотреть на женщину с вожделением. В этом белье и этих пальтишках куда легче осуществить программу полного превращения женщины в товарища, который возбуждает разве желание принять сто граммов и идти в бой на врага. Западная индустрия моды всё никак не может приноровиться к новым запросам, клепает и клепает соблазнительные кружавчики, варганит призывные наряды, штампует тонны косметики, а ведь ничего этого уже не надо, и никакой моды больше нет.

Милости просим в наши запасники! Оказывается, у нас была самая передовая идеология, опередившая время. Это же у нас в российском прокате обязательно шли фильмы союзных республик, в основном, при полупустых залах, но непременно шли – по разнарядке. Это у нас сияла фата-моргана пролетарского интернационализма, и если в картине шла речь об иноземной жизни, в противовес гадким буржуинам надо было твердой рукой прописать хороших, прогрессивных трудящихся. А идеалы феминизмы были воплощены в жизнь вообще целиком. Существовала обязательная норма представительства женщин в органах власти, и она неукоснительно соблюдалась. Платить женщинам меньше, чем мужчинам, – что за бред! Ставка заявлена в штатном расписании, и какого пола ни был бы работник, он эту ставку и получал. А уж приставать к женщине в трудовом коллективе – партком-то на что?

Конечно, жизнь шла своим чередом, ведь идеология не в силах справиться с её буйством. Да и нынешние предписания действовать по чьей-то указке, потому что это правильно и прогрессивно, тоже обречены на провал. Просто смешно, как рифмуются времена и нравы, а старуха-история с ухмылкой подсовывает нам в качестве передовой идеологии наши собственные штампы вековой давности. Не вызывающие большого аппетита – ведь этот винегрет мы уже один раз ели.

Котлеты нашей мечты

Есть люди, которые долго и прилежно изучают меню в ресторане, а потом заказывают борщ и котлеты или – уху и пельмени, и я из их числа. С таким параличом вкуса лучше всего отправиться в какое-нибудь кафе, что именует себя «советским». Их навалом везде. Там будет соответствующая музыка, старые книги и пластинки для дизайна, и меню обещает вроде бы полное воскрешение юности. Но это ловкая иллюзия!

Если бы удалось действительно воскресить реальную, рядовую советскую столовую семидесятых, к примеру, годов, то посетитель, узрев замызганные столики, увидев скудный ассортимент и учуяв дурные запахи, бежал бы в ужасе и отвращении. То, чем нас потчуют сегодня красивые молодые официантки мнимых «советских» кафе, – вовсе не ТЕ котлеты. То месиво, наполовину из хлеба, мы бы сейчас и в рот не взяли. Это не воскрешение прошлого, а театр прошлого, где отдельные приметы сильно идеализированы и преображены.

Сегодня у нас есть выбор – можем пойти в итальянский или японский ресторан, а можем в «советский». Прекрасно осознавая, что будем вкушать современно приготовленную пищу никакого не прошлого, а самого что ни на есть настоящего. Сколько ни толкуй о преимуществах социализма, не может на свете существовать строй, при котором человек не вправе открыть свой ресторан! Это не строй, а мираж.

Так что на самом деле мало кто хочет действительного «воскрешения СССР». Хочется невероятного: чтобы преимущества социализма соединились с достижениями капитализма в каком-то энергичном, фантастическом объятии. Ни квартир своих приватизированных, ни дачных участков мы уже не отдадим, шиш. На грядках ляжем с пулемётами. Из иномарок нас не выкуришь. Никакой фильм на полку не положишь. Железный занавес, коли его опустят, голыми руками порвём на сувениры. Да, мы требуем, чтобы на улицы вернулись дворники, но – без руководящей роли партии и единого политдня, будьте любезны. И чтоб рубли свободно менялись на доллары, за что в нашем возлюбленном прошлом можно было и высшую меру схлопотать…

Эту небывалую систему жизни, сотканную из динамических противоречий, мы пока что лелеем в мечтах. Пока что удалась только КОТЛЕТА, та самая котлета по-домашнему, что вам принесут в «советском» кафе.

С виду она будет ТОЙ самой котлетой, гарнированной картофельным пюре и кусочком соленого или свежего огурца. Но огурец будет благоухать по-настоящему, пюре явится нежным и светло-жёлтым, а не сизым и в комочках. Котлета же предъявит вкус настоящей мясной котлеты. Пройдя через горнило сомнений и крутых исторических испытаний, советское преобразится в идеал, которым никогда не было.

Никакого прошлого мы не воскресим, через двадцать – тридцать лет надо делать титанические усилия, чтобы воссоздать обстановку минувшего даже в кино, и то надо быть крупным талантом, чтобы такое воплотить. Это получалось разве у Алексея Германа-старшего, а вот у младшего уже не очень-то. Но можно кое-чем воспользоваться, вставляя фрагменты прошлого в картину настоящего.

Получилось же с воскрешением преображённых советских котлет. Может, выйдет и с реинкарнацией советских пенсий?

А где День кондуктора?

Петербург называют городом-музеем, и это так, да не так. Вот Венеция – действительно город-музей, и однажды мне довелось увидеть там настоящего жителя, коренного венецианца. Быстро-быстро, крупной рысью он шёл вдоль улицы, и рядом трусила, тоже быстро-быстро, небольшая собачка. Венецианец с явным облегчением юркнул в подъезд своего дома. Этих жителей, сразу заметных в гуще разудалой толпы «посетителей музея», всего-то двести шестьдесят тысяч. А нас в двадцать раз больше, и у нас, кроме исторических декораций, ещё куча всего – и вузы, и промышленность, и транспорт. Плюс гости из России, для которых Петербург опять стал желанным эрзацем Европы. Надо сказать, отличить приезжих от коренных довольно легко. И не по одежде, хотя петербуржец вряд ли выйдет на Невский в цветных трусах. Что-то в выражении лица у нас (коренных) другое. Не лучше и не хуже мы, просто – другие… В общем, когда мы все, хозяева и гости, вываливаемся на улицы с целью проветриться-разгуляться в День города, что-то впечатления музея Петербург наш не производит.

Вообще-то если героем праздника, Дня города, является именно город, в этот день ему хорошо бы отдохнуть от людей, а не испытывать на своей шкуре мощь их ног, рук и голосов. В этот день было бы правильно не привозить, а вывозить людей из Петербурга. Вот знаете, почему японские туристы стали символом маниакальной любознательности? Потому что правительство Японии всячески поощряет, когда люди уезжают в отпуск куда подальше и уменьшают нагрузку на остров. Денежно поощряет. А вот если бы петербуржцам платили в конце мая специальные премии, чтоб они покидали город-музей? Впрочем, это несбыточные мечты.

Многие жители научились извлекать неожиданные радости из своего положения. Недавно мне пришлось проехать по центру четыре остановки на автобусе, где кондуктор, почтенная дама, стала великолепно поставленным голосом рассказывать пассажирам о достопримечательностях, мимо которых проезжал (а точнее, возле которых подолгу стоял) её автобус. Она знала, о чём вещала – видимо, бывший экскурсовод. Деваться пассажирам было абсолютно некуда, и они покорно слушали. Я решила тоже поучаствовать в спектакле. «Вот Биржа…» – начала кондуктор-экскурсовод. «Да, – поддержала я, – вот Биржа, откуда зачем-то выселили Военно-морской музей, и теперь она стоит пустая и разрушается». Нет, я не была понята сообществом автобуса. Люди держали курс на позитив.

И я подумала: ведь в Петербурге сохранилась совершенно реликтовая профессия кондуктора. Это в эпоху интернета и криптовалюты! Хорошо бы учредить в городе специальный День кондуктора. Ведь наши кондукторы – люди, как правило, прихотливой и сложной судьбы, самых разных профессий. Многие с высшим образованием. Пусть в этот день они раскрепостятся полностью. Поют, танцуют, декламируют стихи прямо на своих маршрутах. Решают с пассажирами математические задачи, играют с ними в шахматы, шашки, нарды. Заполняют кроссворды на скорость. Демонстрируют новые модели одежды от петербургских дизайнеров…

Ха, музей. Мы вам не музей. Мы город-театр!

Ленинградцы этим не занимались

Я часто смотрю передачи о советском времени в глубоком недоумении. Мне рассказывают о тотальном дефиците, блате и очередях, а я вспоминаю своё ленинградское детство и юность и не могу припомнить, чтобы эти явления были бы так уж всесильны. Или, во всяком случае, занимали огромное место в жизни. Конечно, дефицит был, я не спорю. Но вот чтобы ленинградцы в массовом порядке шли на поклон к директорам магазинов и выносили с чёрного хода свертки с деликатесами?

Мне кажется, что Москва в этом случае распространяет свою манеру жить на всю страну. Москва любит поесть, Москва живёт семейками и общинами. В Москве расположены все посольства и министерства, в Москве всегда есть золотая молодёжь и большое количество народных артистов. Это не плохо, а это факт. Но при чём бы тут был Ленинград? У нас картина другая. В Ленинграде не было ни одного расстрельного дела, связанного с директорами универмагов. В Ленинграде не припомню такого явления, как табличка «Мест нет» в ресторане, – то есть, возможно, в каких-то совсем уж дорогих мажорских местах такое и было, но вообще-то рестораны были доступны. Ходили туда ленинградцы редко, но ходили, и без всяких взяток швейцару. Я лично с первой зарплаты (в технической библиотеке) пошла с подругой в ресторан «Балтика» и проела четыре рубля за полный обед. А в простом быту проблема доставания продуктов почти что и не возникала – ленинградцы в принципе неприхотливы. После блокады-то. Существовали, например, кулинарии, где продавались мясные полуфабрикаты – антрекоты, шницели и лангеты, ценой в тридцать с чем-то копеек. Про машины никто и не мечтал, и ситуация, изображённая в фильме Рязанова «Гараж» (а действие там происходит в Ленинграде), когда научные сотрудники рядового НИИ имеют автомобили в массовом порядке, – она абсолютно фантастическая. Кооперативные квартиры можно было получить без всякого блата – заплатил первый взнос и въезжай. Мой папа, рядовой инженер, три раза женился и три раза покупал кооперативные квартиры, никакого блата не было, и никаких начальников он не умолял.

Не занимались этим ленинградцы! Не потому, что они лучше или хуже москвичей или там южан, а потому, что были другие стандарты жизни и другие приоритеты. Дефицитом не хвастались – наоборот, стыдливо скрывали. Да, конечно, у нас были фарцовщики – но тоже, знаете, особенные. Фарцовщиком одно время был писатель Сергей Довлатов. Вот книги – это да, тут стоял ажиотаж, книги покупали втридорога, за ними охотились, их добывали…

Так что напрасно Москва обобщает свои московские особенности как примету всей жизни. Далеко не все крались по чёрному ходу к всесильному директору и клянчили подачку, чтобы тридцать лет спустя весело рассказывать об этом позоре по телевизору. Многие жили иначе, уж извините.

С пышками-то получилось!

Некоторые тут вздыхают и говорят, что всё бесполезно. А ведь это ложь и клевета на действительность. Всё не бесполезно, точнее говоря – бесполезно, но не всё. Хорошо помню, как примерно в середине девяностых – начале двухтысячных годов стал обваливаться и напрочь исчезать бытовой Ленинград – ателье ремонта и клетушки чистильщиков обуви, телефонные будки и автоматы газировки, рюмочные, пирожковые, пышечные… И народ восстал. То есть мысленно. Люди хотели пышек. Своих родных пышек с их мягкими и притом хрустящими боками, с их облачной, но такой приятно осязаемой плотью, с лёгким инеем сахарной пудры и нереально низкой стоимостью. Люди хотели также и рюмочных, но это другой вопрос, осложнённый сопутствующими грехами, – страсть же к пышкам была ангельски чиста. Ещё никто не выбирался из пышечных на четвереньках. Пышки не приводят к деградации личности. Пышка совершенна и невинна!

И вот к мысленному восстанию жителей присоединилась группа писателей и журналистов. Владеющие словом скорбели об утрате пышки, да и в принципе видели в бытовом Ленинграде немало ценного. Взволнованное слово ушло, как говорится, в ноосферу – и… оглянитесь! Сегодня в центре города вы встретите десятки пышечных, где вас поджидает мягкая хрустящая подруга ценой в десять – пятнадцать рублей. Рядом с пустынными бутиками, где уныло висят платьица для эльфов. По соседству с коварными ювелирными лавками и надменными спорттоварами. Пышка, родная! Мы тебя отстояли, мы тебя выстрадали, мы за тебя животом проголосовали и зубами вырвали тебя за поджаристый бочок у небытия. В Москве пышечных нет – а у нас есть. И в какое время ни зайдешь – у любого прилавка стоит маленькая, но очередь. И пусть с лихорадочным блеском в глазах поедают пышки те, кому вообще-то уже давно пора прекратить есть (я сама из их числа), – зато мы обладаем в душе настоящим Веществом Желания. Это мы хотели пышек – и мы своего добились.

Надо заметить, и пирожковые возродились со временем. И рюмочные подняли свою зелёно-змеиную голову. И даже клетушку чистильщика обуви я повстречала недавно – и клянусь, там сидел тот же скорбный восточный мудрец в изгнании, что и сорок лет тому назад. Столовые – те вообще на каждом шагу. Ах, если бы так же просто и естественно вернулся, вместо самодовольного новодела, тот милый ленинградский Летний сад…

Но вот вопрос: почему с пышками получилось, а с такими рудиментами Ленинграда, как газеты, нет? Ведь газеты наши исчезли почти что начисто. И вроде бы за них боролись, и какие-то слова уходили в ноосферу – однако лик судьбы оставался равнодушен, и ленинградские газеты сгинули бесславно. Вяло боролись? Не те слова пустили в ноосферу? Вообще-то боролись вяловато, но не в том дело.

Не возбуждали наши газеты подлинного Вещества Желания в горожанах. Их хотели както отвлечённо и умозрительно. Не всем нутром, не своим животом. Вот и не получилось, как с пышками. Которые ведь балансировали на грани гибели, но вернулись к нам, и не обновлёнными, а полностью возрождёнными, такими, какими и были!

А потому что хотеть надо по-настоящему. И – настоящего.

Теперь кофе с молоком, пожалуйста

Что ж, я добилась своего: бродя по Гостиному Двору, вознамерилась заглянуть в тамошнюю пышечную, а там очередь человек в пятнадцать. Воспевала родную питерскую пышку – принимай последствия. Такова сила убеждённого слова! Ободрённая успехом, двигаюсь дальше: желаю кофе с молоком. В чём проблема? В том, что в девяносто семи процентах случаев мне предложат либо «американо со сливками», либо «латте», либо «капучино». А я желаю кофе с молоком.

Нет, конечно, не «того самого», антикварного советского напитка, который наливали из ведра в огромные бадьи с краником и продавали за двадцать две копейки. Та сладкая жуть исчезла навсегда. Напиток не поддаётся изготовлению в домашних условиях, никакие пропорции кофе и молока вкус его не передают. Подозреваю, кофе там не было вообще. Предполагаю, что делали его из стратегических запасов специального порошка… Нет, я хочу просто кофе с молоком. Не «американо со сливками» и не «латте». Чтоб так и было написано в меню, искренне, по-русски задушевно и бесхитростно. Латте я с удовольствием выпью в Италии.

Очень уж у нас активизировалась деятельность дурацкого демона по имени «иностранец Василий Фёдоров». Помните первую главу «Мёртвых душ» Гоголя, когда Чичиков приезжает в город? «Попадались почти смытые дождём вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью “Иностранец Василий Фёдоров”…» Вот этот иностранец Василий Фёдоров теперь вовсю определяет стиль нашей жизни. Бурно и рьяно, гораздо эффективней, чем во времена Гоголя. Чего стоят хотя бы названия станций метро, сплошь дублированные на латинице, и объявления остановок по-английски в общественном транспорте. Это всё наш иностранец Василий Фёдоров придумал – для удобства настоящих, полноценных господ – иностранцев.

Конечно, это не вчера началось. Мечта, что наденешь джинсы (фрак, цилиндр и т. п.) – и ты уже почти как гражданин волшебного мира, давно с нами. Хотя уже нет никакого волшебного мира. Просто удивительно, с каким упорством подделываются формы западной цивилизации при полном игнорировании её сути. Как будто замена простодушного кофе с молоком на пижонское «американо со сливками» принесёт непременное счастье.

И американо, как правило, дурной, и сливки-то дрянь порошковая. От нашего кофе с молоком мы ничего не ждали, знали точно: дадут пойло, так и давали пойло. И теперь дают пойло, только сопровождённое жалкой претензией на «всё, как у людей». Прикрытое, точно срам – платочком, иноземным названием.

Надену тишотку и лоферы, пойду выпью смузи… Нет, не надену. Буду упрямо добиваться уголков идентичности. А потому под родными вывесками «Пирожковая» и «Пышечная» должен обитать родной кофе с молоком! Может, всё-таки попробовать нам восстановить тот старый рецепт? Может, кто из прежних технологов помнит? Там же цикорий был вместо кофе, так?

Ничего, отстояли конфеты «Белочка», спасли эклеры и корзиночки, уберегли пышку – вернём и кофе с молоком. А потом и Летний сад восстановим.

Нельзя – значит, никому нельзя

Все, конечно, помнят скверную историю, как некие активисты самовольно сбили каменный лик Шаляпина в образе Мефистофеля с дома на Лахтинской улице. Вандализм был общественностью решительно осужден, потому как никому не позволительно в Петербурге самовольно распоряжаться эстетикой города. Никаких двух мнений тут быть не может – это область закона. Мало ли что кому не понравится, люди – они такие причудники, тем более у нас в городе. Эдак решит кто-нибудь, что маскароны на фасаде дома, где он живёт, слишком страшно разевают рты и пугают детей, возьмет отбойный молоток и начнёт ликвидировать безобразие. А другой, наоборот, вознамерится украсить улицу изображением любимого политика или артиста. Нет, ничего такого в Санкт-Петербурге нельзя.

Но нельзя – это значит никому нельзя.

А я постоянно читаю о замечательных художниках, которые в историческом центре города разрисовали стены – то это иллюзия двери, то гирлянды растений, то копии знаменитых картин. И граждане возмущаются тем, что эти вдохновенные работы старательных неизвестных мастеров ликвидируются городскими службами. Не понимают эти службы дивной красоты и вдохновения самодеятельных художников! Идут со своими вёдрами с бежевой/ серой краской и замалёвывают искусство!

Городские службы в этой ситуации совершенно правы. Самовольная живопись на стенах домов в историческом центре недопустима, какого качества она бы ни была. Для того чтобы разрисовать дом в историческом центре, следует пройти длинную цепь согласований.

Для начала, отправиться в управление эстетики и дизайна городской среды, расположенное на улице Зодчего Росси, это часть Комитета по градостроительству и архитектуре. Там есть приёмные дни и часы. Туда и следует приносить свои вдохновенные идеи, а уж дальше предусмотрена цепь законных шагов. Да, у нас есть управление эстетики! Вот вы никогда не слышали, а оно есть. И очень может быть, что оно вам пригодится.

А самовольная ликвидация, как и самодеятельная роспись – явления одного порядка. Недопустимого. Нельзя – значит, никому нельзя и ничего нельзя. Очень простое правило.

Но с нашими городскими художниками надо, конечно, что-то делать. Не оставлять их на произвол судьбы. А то они от отчаяния действительно в массовом порядке ринутся самовыражаться на стенах домов. Больше выставок, больше ярмарок, больше внимания, даже пропаганды наших ребят. Граждане должны обзавестись полезной привычкой покупать картины петербургских художников. Это может стать очень перспективным направлением вложения денег. Смотрите, как умные люди вздули цены на старых мастеров, внедрив это своё «современное искусство». А наши петербургские художники тоже мастера, среди них немало самобытных.

Так что давайте не портить город, а работать к его вящей славе.

Где логика?

Есть мнение, что петербуржцы – это такие «русские англичане», люди с психикой островитян. Замкнутые, церемонные, крайне своеобразные, консервативные, со своим чувством времени. Одеваться предпочитаем в серое и чёрное. Вопрос «Как пройти в библиотеку?» для нас не звучит анекдотически. Любим находить привычные вещи на привычных местах. Вроде бы так, но… Привожу два примера.

Недавно посетила Большой зал Филармонии – дирижировал Юрий Хатуевич Темирканов. Я была школьницей, а его звезда уже сияла на невских берегах, и вот миновали эпохи и эры – Темирканов по-прежнему в строю и в полной силе. Было такое чувство, как будто на сцену вышел сам Станиславский, что ли: Темирканов не делал никаких уступок «духу времени», являя собой пример высочайшего мастерства, для которого главное – передать музыкальную мысль композитора. Масса нюансов, пауз, нарастаний… словом, дирижёр старой закалки, может быть, последний из плеяды великих дирижёров XX века. Величественный без чопорности, благородный без жеманства! Зал битком. Много таких, как я, – бегавших в Филармонию «на Темирканова» ещё в юности. Итак, вот оно, петербургское счастье.

И случилось мне мельком в новогоднюю ночь глянуть на телеэкран. Там тоже появились люди, знакомые мне со школы. Они занимались тем же самым, что эпохи и эры тому назад, – то есть как бы пели. Многие при этом жизнерадостно прыгали. Однако счастья найти привычное на привычном месте не было. Наоборот: нарастало раздражение. То ли от их глупых песен, то ли от их лиц, становящихся с годами всё глаже и моложе. Не было никаких признаков счастья, а было тоскливое чувство, что ты попал в некую унылую вечность «эстрады».

Так где же логика-то? Где «русское англичанство»? Темирканов за дирижёрским пультом сорок лет – и я в восторге, а певец Н. Н. те же сорок лет в телевизоре – а меня тошнит. Нет бы взять и возрадоваться, потешить консервативную душу: о! всё на своих местах! А ты злобишься, карму портишь. Задаёшься бессмысленным вопросом – да когда же это кончится-то, когда эти демоны успокоятся и отойдут от нас на свою планету самодовольных идолов в перьях и блёстках…

Где логика?.. А нет логики. То есть тут не до логики. Перемены должны быть, а изменений при этом быть не должно. Одно и то же – не одно и то же. Не всякая консервация полезна для здоровья. И не всякая вечность даётся в награду – некоторые вечности даются в наказание. Видимо, в Большом зале Филармонии царит один тип вечности, а на экране – совсем другой.

Хорошо ещё, пока можно выбирать.

Одолевая вещизм

В советское время суровые наши газеты постоянно клеймили вещизм. То есть упрямую страсть обывателя приобрести какую-нибудь обожаемую вещь. Типа югославских сапог на платформе, богемского хрусталя, стильного телефона (телефон, если помните, был домашним и составлял часть интерьера) и так далее. Поскольку в истории царит жестокий закон: всё, что унижено, будет возвышено, – именно порицаемый некогда вещизм стал свободной идеологией нашего непотопляемого обывателя в новое время. Никому не придёт в голову осуждать человека, которому хочется приобрести какую-то вещь. Даже если он хочет этого с повышенной страстью. Какое нам дело? Однако есть ещё один закон, и его можно назвать по имени гоголевского персонажа, мечтавшего о новой шинели: закон Акакия Акакиевича. Если вещь слишком желанна, если она становится целью и смыслом жизни, если обладание ею вызывает в душе чересчур горячее жжение – эту вещь у тебя так или иначе, скорее всего, отберут.

Я к вещам сильно не привязываюсь, однако были в моей жизни три случая, когда некоторые формы материи вызывали в душе что-то похожее на страсть. Медальон из голубой бирюзы в форме сердечка с маленькой жемчужиной в центре, достался от бабушки. Самодельная чашка из белой глины причудливой формы, которую я купила в одном музее Минска. Расшитый вручную коричневый платок, приобретённый в магазине народных промыслов на Невском (давно сгинул). Платок был расшит невероятно искусно, оригинальный рисунок из золотых, голубых, бордовых и зелёных тонких нитей можно было рассматривать как шедевр живописи…

Медальон пропал. Вот был – и нету. Судьба неизвестна. Чашка разбилась – и года не прожила, причём упала без постороннего воздействия, как будто сама так решила. А дивный платок у меня украли в гардеробе Института истории искусств, где я работала. Я его сунула в рукав куртки, а когда пришла снова – платок исчез. (Ничего удивительного: в восьмидесятых – девяностых годах в этом институте вещи исчезали с подозрительной лёгкостью и скоростью, особенно старинная мебель.)

Жалко? Да не то слово. Я даже поплакала, так было жалко. Медальончик мой! Чашечка! Платочек! А потом как что-то оборвалось в душе. Никакие вещи более не вызывали такого острого вожделения, такой радости обладания. То есть я, конечно, продолжаю что-то хотеть, стремлюсь приобрести, заполучить, ухватить, цапнуть, я – нормальный человек. Но – нет уже этого жжения, этой страстной привязанности, этой особенной сладкой боли в душе. Как-то всё спокойно стало. Все три любимые вещички были у меня отобраны – стоит ли повторять урок? Он выучен и освоен. Как говорил Эйнштейн: самое удивительное в людях – это когда они производят одни и те же действия и при этом надеются на другой результат.

Рапортую, суровые идеологи: вещизм мной, бывшей советской девушкой, побеждён! Правда, рапортовать вроде бы некому… а вот это как посмотреть. Какая-то инстанция, перед которой невольно отчитываешься, несомненно существует. И как её ни называй, излишнюю страстную привязанность к вещам она ну никак не одобряет.

И они вернулись

Случайно прочла интервью, которое один известный лысый писатель взял у паренька, попавшего в современную историческую мясорубку: паренёк ума небольшого, сыпет афоризмами вроде «у каждого поколения должна быть своя война» и рассуждениями о том, что в мирной жизни ему неловко и скучно. Ходят сытые люди с гаджетами, что интересного?

Никогда бы так не сказали те, кто вернулся с Отечественной войны и отстроил затем мирную жизнь, где было, кроме всего прочего, и великолепное искусство. Возьмём только кино. Славу нашего кинематографа пятидесятых – шестидесятых годов часто приписывают политическим послаблениям: настала, дескать, оттепель, искусство и оживилось. Но тут есть загвоздка – ладно, начальники вам что-то разрешат, а что вы предъявите со своей стороны? Мы по девяностым годам помним, что разрешили вообще всё – а что было предъявлено? Так вот, в пятидесятые – шестидесятые годы предъявили себя неимоверно одарённые люди, вернувшиеся с фронтов. Удивительно, что многие из них ослепительно ярко проявились вовсе не в пафосных драмах, а в комедии. Воевали Леонид Гайдай и Юрий Никулин, Владимир Басов и Зиновий Гердт, Евгений Весник и Михаил Пуговкин, Анатолий Папанов и Алексей Смирнов… И не в штабах сидели – в пехоте, в артиллерии, в разведке рядовыми. Может быть, оттого в их творчестве столько ума, глубины и достоинства, а не одно самодовольное зубоскальство.

Противопоставлять войну и мирную жизнь – дескать, на войне всё правильно и понятно, а в мире всё запутанно, невнятно и скучно – это нравственное преступление. Справедливая война (а ею была Отечественная) и ведётся ради мира. А не ради того, чтобы в окопах ловить дикий агрессивный кайф. Рефрен лучших наших картин о войне – мечты о мире: вот закончится, и заживём… Отстроим города и снимем лучшее на свете кино! Так они и поступили – те, кто вернулся. О войне говорили редко и неохотно. Невероятно, чтобы кто-то из кинематографистов-фронтовиков вымолвил отвратительное и безответственное «каждому поколению нужна своя война». Не представляю, чтобы Зиновий Гердт с его раздробленной ногой, долгое время скрывавшийся за ширмами Театра кукол Образцова (куда с такой ногой на драматическую сцену!), кому-то пожелал войны как средства воспитания цельного характера. Да, бывает, что иначе нельзя: приходится воевать. Но делать из войны радостную мужскую необходимость нельзя.

Так был ли дедушка?

Октябрёнком я стала, как положено, в семь лет, и было это в 1965 году. На чёрный повседневный или белый праздничный школьный фартук я прикрепляла в районе сердца красную звёздочку с изображением кудрявого ребёночка – маленького Ленина. Тогда он был «дедушка Ленин» из рассказов, песен и фильмов о «самом человечном человеке», советский вариант бога, единственная цель которого была в достижении счастья для всех людей. Он точно знал, в чём это счастье состоит, и не знал сомнений. Прогрессивная интеллигенция удивлялась, как цензура допустила изображение растерянного и потрясённого Ленина в картине «Шестое июля», когда Ильич переживал мятеж левых эсеров в 1918 году. Обычно Ленин представал как положено – всезнающим и всемогущим, а чтобы его очеловечить, на эту роль назначали актёров-гигантов премиум-класса: Штрауха, Щукина, Смирнова, Каюрова, Смоктуновского, Ульянова.

Но вот ушла на дно советская Атлантида, и нынешние семилетки могут не ведать вообще, кто такой дедушка Ленин, даже если он стоит в виде памятника на центральной площади их родного города. Памятники вождю пролетариата, например, у нас в Петербурге остались почти нетронутыми, их не свергли, и это благоразумно – не памятники надо валить, а, как говорится, неустанно работать на ниве просвещения…

22 апреля 2020 года исполнилось 150 лет со дня рождения этого титана, изменившего ход мировой истории. Ленин покинул драматическую сцену – не припомню ни одного современного спектакля с его участием в качестве персонажа, последние такие попытки были в перестройку. Он не появляется сегодня и в романах, в отличие от товарища Сталина, сильно занимающего умы литераторов. Новые его биографии – достояние узкого круга читателей. В телевизионное кино Ленин всё-таки проник, он фигурирует в сериале «Демон революции» (в исполнении Евгения Миронова) и в картине «Троцкий» (там его играет Евгений Стычкин). Стычкин играет глубже, интересней Миронова (тот изображает эгоцентрика, злобного честолюбца и хитрого психопата) – и всё-таки это как-то слабо, не зажигательно. Из грандиозной мифологической фигуры что-то не выходит сделать «исторического персонажа». Дедушку Ленина, друга всех трудящихся и угнетённых, свергли, звёздочку октябрятскую выбросили на помойку истории – а образовалось пустое, никем и ничем не занятое место.

Я по этому дедушке ничуть не скучаю, нет. Но я хотела бы увидеть настоящее творческое осмысление, на современном уровне, одной из ключевых личностей XX века. Пока что сильно взволновала меня только версия Александра Сокурова в фильме «Телец», рассказывающая о последних днях больного Ленина, когда разум его уже едва мерцал, а титаническая воля трагически боролась с распадающимся телом. В картине нет никакого глумления, это сложный и глубокий фильм, но он, конечно, труден для восприятия неподготовленным зрителем. И вопрос гипотетического юного человека: а кто это стоит у нас во всех городах с простёртой рукой, гений или злодей, что об этом можно прочесть, что посмотреть? – остаётся открытым.

Был слух, что Голливуд возьмётся за дело и Ленина сыграет Ди Каприо. Может, он справится?

Советское отличное

Ветчина – но её уже не вернуть. Составляя, как героиня пьесы Юрия Олеши «Список благодеяний», реестр благодеяний и преступлений советской власти, нельзя забывать о ней. В противовес колбасе, она была изумительно хороша – нынешние симулякры ничем её, розовенькую, духмяную, окантованную на треть объёма нежным жирком, не напоминают. Но это погибло, миновало, кануло, сгинуло, вместе с ГОСТами и технологами, вместе с советскими свинками, и та ветчина погрузилась на дно истории.

Однако масса вещей и явлений остались в вечности. И среди них – советские детективы. Книги о неприметных следователях, скромных прокурорах и юных честных операх, расследующих хищения социалистической собственности и прочие нарушения социалистической законности. Советских писателей-детективщиков было довольно много, за сверхзвёздами вроде Юлиана Семёнова и братьев Вайнеров стоял боевой отряд авторов очень приличного качества. Эти писатели, как правило, происходили из юридической среды и были грамотны по части знания всех деталей работы милиции, следствия и прокуратуры. Были они скромны, как и их герои. Но я сейчас увлеклась именно чтением советских детективов и могу сказать уверенно: то, что раньше могло показаться наивным, простеньким, слишком назидательным, – теперь обрело немалую цену.

Переносишься в другой мир. Устроенный до того чётко и внятно, что далеко до него даже викторианской Англии. Всё на своих местах, никаких тебе «оборотней в погонах». Если в прокуроре вдруг свидетель различает гестаповца, то на следующей же странице оказывается, что нет, то был наш человек, разведчик сложного внедрения. Если в фигурантах дела появляется несовершеннолетний, его судьбой обязательно займутся особенно и расскажут читателю, куда именно впоследствии поступил учиться или работать наш персонаж… Анатолий Безуглов, Станислав Родионов, Виктор Пронин – все эти прилежные, добродетельные авторы всей душой и плотью принадлежат к надёжным инженерам-технологам советской литературы. Всё – и сюжет, и характеры – сколочено, может быть, из неказистых и корявых, но крепких и могучих брёвен.

Прекрасненько вы их знаете, поскольку книги этих авторов часто экранизировались: к примеру, Виктор Пронин – это «Ворошиловский стрелок», а Станислав Родионов – «Криминальный талант», Безуглов, по-моему, вообще экранизирован сплошь. И, кроме внятной добротности сюжета и точности деталей, есть у этих авторов ещё одна доблесть: они ясно демонстрируют читателю, откуда явилась в строгий советский мир большая беда.

Большую беду несут в себе отрицательные герои советского детектива, ею заражены также лица более-менее нейтральные. Это – алчность и дефицит. Несознательные граждане озабочены только тем, как выбить квартиру, достать средства на дико дорогие в ту пору «жигули» и «москвичи», заполучить видеомагнитофон, стереопроигрыватель, джинсы, кожаную куртку, виниловую пластинку, полиэтиленовый пакет с лицом А. Б. Пугачёвой… В Ленинграде этого поменьше, Москва – так и гудит от криминала, провинциальные города стремительно тянутся к столичному уровню. А тихие следователи, скромные прокуроры и юные честные опера живут исключительно с жёнами и только на зарплату, мечтают о чём-то чистом и прекрасном (новая удочка, собрание сочинений Гоголя) и мужественно противостоят жадному и злобному океану тупых вожделений.

Просто вот – читаю и плачу…

Невиновны и забыты

Их редко переиздают, мало читают, неохотно вспоминают – да, были такие, но ушли на дно вместе со всей советской Атлантидой. А я их люблю – тех советских писателей, что выращивали из своего таланта чистые кристаллы настоящих художественных произведений, совершенно избегая пафоса, грохота идеологии, вообще всякой «пены дней». Вера Панова, Юрий Казаков, Вадим Шефнер, Юрий Коваль, Израиль Меттер (это он сочинил повесть про служебную овчарку Мухтара), Ирина Грекова, Радий Погодин… Их произведения нисколько не устарели по существу – конечно, какие-то детали быта миновали, но нам же не мешают всякие странности века позапрошлого вроде кибиток и крепостного права воспринимать Гоголя. Ну нет смартфонов в рассказах Шефнера, зато сколько там уморительных штук, которые неугомонно сооружают его чокнутые изобретатели. Один изобрел эликсир, благодаря которому человек покрывается на время густой зелёной шерстью – и предприимчивая жена заставляет мужа обрастать покровом, который состригает, прядёт и из полученной пряжи вяжет изделия в видах наживы! А маньяк, который поставил своей целью вывести породу четырёхногих кур? Такое, прочтя, не забудешь. Как не забудешь пронзительный рассказ Казакова «Во сне ты горько плакал…» – а там всего лишь описана прогулка отца и маленького сына летом в деревне…

Укрывались в фантастику, забирались в «детскую литературу», чтобы выдумывать, а не врать, – но некоторым удавалось чудесным образом быть реалистами вне идеологии и писать как для детей, так и для взрослых. Недавно я перечитала повесть Веры Пановой «Серёжа». Мир послевоенного посёлка, увиденный чистыми глазами пятилетнего мальчика, первозданно прекрасен. Но нет в нём никакой сладости, сентиментальности – Серёжа сталкивается и со смертью, и с болезнью, и с потерями, и с возможным предательством взрослых (помните, его поначалу не хотят брать в таинственные Холмогоры, куда переезжают мама и отчим). Однако в его мире есть настоящее чудо – новый отец, Коростелёв (в фильме 1960 года Данелии и Таланкина его замечательно играет Сергей Бондарчук). Поэтому все несчастья и затруднения маленькой и нелёгкой Серёжиной жизни будут преодолены и развеяны. Строгий критик Корней Чуковский считал, что Панова написала классическую книгу, которая будет переведена на все языки мира. Но не сбылось. Панова писала превосходно, почти все её сочинения экранизированы. Панову обожали читатели, Панову ценил тиран, давший ей три Сталинских премии подряд. Но эти же обстоятельства сильно отдалили писательницу от её среды. Странная женщина, красившая волосы хной (поседела в единый миг, когда в тридцатых годах посадили мужа, Бориса Вахтина), растившая троих детей, работавшая как вол, не слишком общительная. Была бы она гонимая, угнетённая – наверное, перевели бы на все языки мира. А тут три Сталинки подряд… И притом не придраться – пишет о хороших людях, которые сохранили Бога в душе. Церкви закрыты, а многие люди притом милосердны и сострадательны. Тогда как сейчас церкви доступны каждому, а что у нас с милосердием?

Я думаю, этих «кристальных» русских писателей советского периода непременно надо переиздавать. Читать и перечитывать. Они забыты несправедливо. Они ни в чём не виноваты.

Это были другие люди

Люди, выдержавшие и выигравшие Великую Отечественную войну, – были ли они обыкновенными людьми, такими же как мы с вами, или это были в сущности своей совсем иные люди, другой закваски, иного состава? Непрост ответ на этот вопрос, если он вообще есть. С одной стороны, мальчики и девочки моего поколения узнавали о войне от своих пап и мам, которые в то военное время были детьми, война была совсем близко, буквально вчера. С другой стороны, папы-мамы наших пап и мам – это те самые непостижимые дедушки-бабушки, которые отстояли Сталинград, взяли Берлин, а потом за десять лет полностью восстановили страну.

Подумать только – за исторически ничтожный срок разбомблённые города встали из руин, вся жизнь была отлажена, да так, что самомалейший какой-нибудь театрик – и тот не пострадал, вернулся на своё место. Нет, всё-таки это были другие люди. Жизнь была гораздо хуже нынешней (в отношении материальных благ и свобод), а люди были куда лучше. Они ведь, первые советские, родились ещё в Российской империи, она легла базой, со своей триадой «за веру, царя и Отечество», а на базу уже наслоились грёзы про общество социальной справедливости и новую мораль строителя коммунизма, «за Родину, за Сталина». В результате росли и мужали совершенно былинные, мифологические фигуры, как из древних эпосов.

Вспомним хотя бы маршала Константина Рокоссовского. О нём обещали снять фильм, но то ли не сняли, то ли карантин всё порушил – но нет художественного воплощения этой исполинской фигуры. Его биография сама по себе кажется кратким изложением некоего увлекательнейшего сценария. В нашем кино сегодня часто прокручиваются игровые, вымышленные ситуации, когда сконструированные неправдоподобные герои отправляются на условную войну и там побеждают. Но вот же подлинность, как она есть, – судьба Рокоссовского, где сценаристам и выдумывать ничего не надо, он ведь ещё и мужчина был хоть куда, и романы лихо крутил, абсолютный герой!

Георгия Жукова в искусстве худо-бедно освоили: в «Освобождении» Озерова его роль исполнял Михаил Ульянов, в «Белом тигре» Шахназарова – Валерий Гришко, в сериале «Жуков» Мурадова – Александр Балуев. Балуева ругали – по-моему, зря. Но множество богатырских фигур осталось без внимания кинематографистов – взять хотя бы маршала Конева, памятник которому глупо свергли в Чехии. Многие ли знают сегодня, кто это и чем славен? Увы.

Так что наши дедушки и бабушки только с виду были обычными людьми. В сравнении с ними мы – вроде как те смуглые ребятки на осликах, что суетятся возле египетских пирамид и претендуют на то, чтобы тоже называться «египтянами», хотя связь между ними и теми, кто возводил пирамиды и лежит в них, весьма сомнительна.

Хотя нет. Связь между нами и теми людьми, что взяли Берлин, всё-таки есть. Если мы её чувствуем и признаём, а не воображаем, как выражался Лесков, «что весь народ наш вчера наседка под крапивой вывела».

Неужто Делону пора пить одеколон?

Мир такой большой, а головы у нас маленькие. Не постичь нам его головоломной сложности. Вот зачем Земля вращается, принося нашим широтам всякие заморочки в виде весны, осени и зимы? Была бы планетка неподвижна, было бы куда проще. Сплошь лето – или сплошь зима, кому как повезёт. А тут не успеешь привыкнуть – брямс, новое время года.

Ладно природа, так ведь ещё история на нашу маленькую голову навязалась. Жили себе в Советском Союзе и жили, шутка сказать – с начала шестидесятых годов до конца восьмидесятых с одними и теми же ценами на всё. О повышении их или понижении специальные постановления партии были. А теперь идут дискуссии, плох был тот Союз или хорош, и ведь выходит совсем непостижимое – и хорош он был, и плох, да разве такое в ум помещается!..

8 ноября 2020 года исполнилось восемьдесят пять лет французскому актёру Алену Делону. Не знаю, вспомнили ли об этом ещё где-нибудь на свете, кроме России. Делон нам не чужой, во всяком случае бывшим советским девушкам и юношам он знаком отлично. Почему-то фильмы с Делоном охотно покупали в советское время, а он снимался в семидесятых годах часто, в главных ролях, бывало, что и в картинах средненизкого качества. Но любовь к Алену Делону была на нашей земле фантастической, непомерной – и песня группы «Наутилус» о красавце Делоне, не пьющем одеколон и потому ставшим героем грёз провинциальной девочки, была точной и убедительной бытовой зарисовкой.

Но всё миновало. И, читая отклики аудитории на день рождения Делона, я с удивлением обнаружила, что синдром «маленькой головы» действует и на таком вроде бы нейтральном материале. Одни с жаром утверждали, что Делон – плохой актёр (видимо, это в нём и ценила плохая советская власть). Другие свирепо возражали, что Делон – это эпоха в искусстве, что он создал немало выдающихся образов, и вообще современная публика с кумиром в виде артиста Петрова лучше бы молчала бы про великих.

Пора, значит, Алену Делону пить одеколон! Совершенно непонятно, великий он или полный ноль. И поклонение ему в прошлом – это тоже тяжёлое наследие советской власти, или было, было в артисте нечто божественное, исходило от него сияние, подаренное богом-покровителем искусств Аполлоном?

В том-то и дело, по моему мнению, что не так всё просто и элементарно. И сияние Аполлона у Делона было. И самодовольство и дурновкусие в выборе ролей – тоже. И потрясающие работы у великих режиссёров – и плоская, глупая игра во второсортных триллерах. И бездушие залюбленного красавчика – и пронзительная правда о времени и себе. Всякий заметный, крупный артист – это сложная, динамическая система, связанная и с почвой, на которой он вырос, и с эстетикой своего времени, и с настроениями публики, и с судьбой его нации, и с зигзагами личного выбора. Цельнолитых фигур в этом виде творчества найти весьма затруднительно!

Так что если маленькая голова мучается, не находя простых ответов на сложные вопросы, – выход-то прост. Слушайте сердце! Люб вам Ален Делон (осень, Советский Союз и т. д.) – и прекрасно. Доводы можно оспорить – любовь же невозможно.

Мы самые модные!

Итак, вести из Великой Британии: там зародилось и процветает общественное движение под названием «Не покупаем!». Смысл движения, собственно, и заключён в названии – протестуя против стандартов непрерывного потребления, хронического шопинга, британцы поддерживают друг друга в гордом стремлении отказаться от покупок, кроме самых необходимых, конечно. Хвастаются: я полгода не покупал новых вещей, а я уже год держусь. Призывают всех опомниться и выйти из бешеной гонки приобретательства. Совершенно не нужно, убеждают они, покупать новые брюки, если не износил старые…

Очень мило. Оказывается, мы, странные русские, давно состоим в модном тренде, не ведая о том. У нас имеется, к примеру, многомиллионная армия пенсионеров, которая без всяких лозунгов и общественных движений – просто и спокойно не покупает. А уж что касается Петербурга, то в ледяном презрении к показной роскоши и расточительству мы давно в лидерах. Попробуйте заняться продажами в городе хоть чего-нибудь, кроме пиццы, и вы согласитесь со мной.

В Петербурге так и не появилось ни одного модного журнала, навязывающего людям «новые коллекции». Где эти коллекции, кто их видел? Звенящая тишина и пустота царят в тех отделах, скажем, Гостиного Двора, где расположены так называемые бутики. А, вот мелькнула какая-то тень – это случайно забрёл приезжий из Нижневартовска. Или Нефтеюганска. Подавляющему большинству петербуржцев вполне хватает мощного описания бутика, сделанного писателем Дмитрием Горчевым: «В бутиках я несколько раз бывал. Там очень страшно. Когда заходишь в бутик, от стены бесшумно отделяется изголодавшаяся девушка, похожая на самку паука. Если вы вовремя не сбежите, она всучит вам трусы за двести баксов, а потом откусит вам голову и съест».

Но ладно тряпки, петербуржцы, ещё когда были ленинградцами, с ума по ним не сходили и явно предпочитали какую-нибудь тётю Женю, которая строчила им наряды на «подольской» машинке. Возьмём такой аксессуар, как часы. У меня довольно много знакомых – и я ни разу в жизни не видела, чтобы хоть кто-нибудь из них поменял часы. Купил что-нибудь престижное, дорогое, модное, громко говорящее о его статусе. Нацепил на руку и всем показывал. Не встречала таких!

Настоящий петербуржец живёт в ситуации, когда рядом расхаживает враг и подбивает его на расходы – а петербуржец не поддаётся. Есть замечательные отмазки – например, можно объявить себя убеждённым вегетарианцем, и тогда прости-прощай не только мясо-рыба, но и шубы, и сумки, и кожаная обувь. Декларируете любовь к бумажной книге – и спокойно ходите в бесплатные библиотеки, обходясь без айпадов. Ссылаясь на слабое здоровье, можно избежать покупки билетов в театры, а билеты эти за последнее время подорожали раз в десять… Пожалуй, единственный неизбежный кошмар – это холодильник: если он вышел из строя, делать нечего. Правда, такие старые коммунисты, как «Саратов-2», вообще никогда из строя не выходят и непобедимо ревут в рабочем режиме, особенно на дачах. Так что не нам брать с британцев пример и не им предлагать нам актуальные тенденции разумной жизни.

По части движения в сторону «Не покупаем!» мы давно – самые модные.

Был рынок – и нету рынка

Василеостровский (в народе его кличут Андреевским) рынок подвергся реконструкции. Так называют то, что случилось с этим рынком. Вообще-то приставка «ре» обозначает повтор. Реконструкция – это возврат к прежней конструкции после её улучшения, восстановления и т. п.

А Василеостровский рынок исчез – если мы понимаем под этим словом то место, где люди покупают продукты не по фиксированной цене. Они бродят, приценяются и торгуются. Обещают, что будет и продуктовый отсек, но пока что в зале выстроено то, что именуется «фудкорт», то есть скопище разных забегаловок быстрого питания. Там голодный мерчандайзер может съесть бургер «всего» за триста рублей.

В СМИ уже появились первые восторженные отзывы «студентов», «галеристов» и «дизайнеров одежды» – они счастливы, что «наконец-то на Васильевском острове есть где покушать, мы кушали и нам понравилось».

А вы спросите не у дизайнеров, которые кушают, но у тех граждан, что едят и семье своей готовят еду. Спросите у домохозяек с кошёлками – нравится им фудкорт вместо рынка?

Я ходила на этот рынок восемнадцать лет. Жизнерадостные продавщицы солений спрашивали, как делишки у сынишек, и обязательно вручали вкусный подарок – черемшу или пару малосольных огурчиков. Хмурый мясник заранее знал, сколько мне отрубить антрекотов. Кроме того, на рынке имелись разные удобные услуги – сделать ключи, подшить шторы, не проблема! Короче говоря, рынок мне был нужен позарез, а фудкорт мне не нужен ни для чего. Было мне хорошо и удобно, а стало нехорошо и неудобно.

Вернутся ли на прежнее место мои милые тётки с огурцами? Что-то сомневаюсь. Скорее всего, их заменят некие «фермерские продукты» такого же качества и вкуса, как в соседнем с рынком «Магните», только в три раза дороже.

Боюсь, от рынка осталось одно название – и это меня нисколько не радует. И ещё раздражает ложь. Скажите прямо – рынок закрыт, на его месте сооружена новомодная дрянь, а не врите про реконструкцию. А кстати, владельцам что, разрешили перепрофилировать рынок в таком масштабе, явно отменяющем прежнее назначение? Это так можно?

Консерватизм – это не отсталость и косность. Консерватизм – это желание и стремление оставить ценные, удобные, хорошие вещи и явления неизменными. Когда вы узнаёте, что сегодня в академическом театре читают лекции, заведены кружки йоги и проводятся встречи, вам ясно, что вместо театра теперь клуб по типу сельского. А рынок, где не продают продукты, а вместо прилавков поставлены в ряд точки общепита, – не рынок, а забегаловка-жральня.

На Васильевском негде «покушать»? Вокруг рынка на каждом шагу кафе, рестораны, кофейни – чуть не в каждом доме пешеходной зоны Шестой-Седьмой линий. А вот купить качественные продукты на острове затруднительно.

Было славное место – рынок. Нет рынка. Сиди в фудкорте, пей крафтовое пиво, слушай речи дизайнеров одежды. Забудь ароматный призрак домашнего борща! Нет, граждане, таких штук, не советуясь с жителями, предпринимать нельзя.

Совместить неприятное с бесполезным

Как совместить приятное с полезным – об этом, наверное, надо спрашивать в иных городах или странах. Мы, петербуржцы, знаем толк в другом: как совместить неприятное с бесполезным. И мастеров этого дела у нас в избытке, можно даже сказать, что это умеет любой рождённый в Санкт-Петербурге.

Только этим врождённым инстинктом отыскивать нужную пропорцию неприятного с бесполезным я могу объяснить то, что я побывала на «реконструированном» Василеостровском рынке, обошла тамошний фудкорт… И не слушая голоса ангелов, приветливо шептавших мне – мимо, Танечка, мимо, и на большой скорости, – купила гриль из морепродуктов, и не только купила, но и съела. А съесть купленное можно лишь на пленере, то есть на площадке возле рынка, пластиковой вилкой из бумажной коробки.

В состав гриля входили: три тигровых креветки, одна королевская, три крупных мидии и одна тушка кальмара. Стоимость сырых продуктов набора составляла примерно 150–200 рублей. Выложила я за этот гриль 670 рублей.

В общем-то комментарии излишни. Я сама готовлю, и на 670 рублей могла бы соорудить полновесный обед на двух человек. Или подзаправиться в недурных окрестных кафе. А я с отвращением тыкала пластмассовой вилкой в ускользающего кальмара, зябко ёжась на ветру. Дорого и невкусно – ладно, это вполне могло бы быть слоганом данного фудкорта, чья изначальная творческая мысль (не на наших равнинах родившаяся) состояла в том, что питание там должно быть недорогим, иначе какой смысл. Но это было и невкусно, и некрасиво. Ни сущности, ни эстетики – вот и обретено заветное сочетание неприятного с бесполезным!

Ладно я, которая всё-таки отбивает худо-бедно потраченные деньги путем описания своих житейских передряг. Но людям нормальным за что такие добровольные страдания и потери?

Наши фудкорты (дорогие и невкусные жральни-забегаловки), используя народную тягу к модным иностранным словечкам и явлениям, тем временем рьяно расползаются по городу. Недавно фудкорт открылся аж на территории киностудии «Ленфильм» – действительно, чего месту пропадать. Вы можете сказать, что возрождение киностудии должно начинаться с организации сценарного отдела под руководством профессионала, дабы заполнить портфель качественным материалом на нужные темы? Умник какой. Возрождение киностудии выглядит так: быстренько малюют акриловыми красками громадные ширмы-щиты с чудовищными карикатурами на Ливанова-Холмса, Гурченко неизвестно в какой роли и тому подобное, а за ширмами – жральни. Кинематографисты на очередной пир духа вряд ли заглянут (правление Союза кинематографистов Петербурга на открытие этого праздника желудка и симфонию прямой кишки даже не сочли нужным позвать – я в теме, потому как два года в этом правлении состою). А люди – что люди, будто мы с вами людей не знаем.

Побродить, потолкаться, приценяться – ну и что, интересненько… Глаза закроешь, нос зажмешь, уши заткнешь – да не иначе, ты в Европе!

Жду котёнка

В Петербурге стартовал новый телеканал под названием «78» (дело было в 2017 году). На той кнопке, где прежде интригующе кипел новостями канал «Life78», а ещё прежде пытался оригинально вещать канал «100ТВ». Чем провинился перед небесами «100ТВ», не знаю, а вот темпераментному «Лайфу» откровенно не повезло с городом. Как говорит один персонаж в романе Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», «в проклятом городе – никаких событий! Хоть сам грабь, убивай, поджигай – для хроники».

То есть события, разумеется, в Петербурге случаются. Но той плотности и густоты чёртовой каши, к которой привык современный потребитель новостей, они не достигают. Как бы ни старался новый канал, он неминуемо дойдёт до показа котёнка, застрявшего на дереве, и острой проблемы очистки памятников от продукта жизнедеятельности голубей. Это неизбежно. Короткий расцвет петербургского ТВ длился недолго (примерно с 1987 года по 1998-й) и был вызван к жизни не столько повышенным профессионализмом его создателей, сколько общественной волной. Волны больше нет, а жить надо, «милые сёстры» – как говорят у Чехова.

На новом острове-78 постепенно собрались выжившие после кораблекрушения тележурналисты – кто с Пятого канала, кто с Соточки. Движения их чуть замедленны и неуверенны, словно ногой они пробуют зыбкую почву. Откуда черпать вдохновение? Как вывести клеймо провинциальности и неоправданного высокомерия с грустного лица петербургского телевидения?

Я бы предложила два направления. Первое: найти наконец действительность и примириться с ней. Пойти туда – в больницы, тюрьмы, школы, заводы, суды и так далее, найти людей, живущих здесь и сейчас. Из судов и больниц можно и онлайн-трансляцию сделать. Это будет скучное, здоровое, социально полезное ТВ. Снимать уроки– иностранных языков, вязания, быстрого чтения, гимнастики, пения, рисования, игры на музыкальных инструментах, да мало ли ещё чего. Очень эффектно было бы показывать, кто сегодня в Петербурге родился, сыграл свадьбу, отпраздновал юбилей, покинул этот грешный мир.

Второе направление – разгул культуры. По счастью, в городе по-прежнему царит перепроизводство людей с гуманитарным образованием. Это придаёт нашим лицам интересную непростоту. В ночных магазинах можно услышать, как охранники с продавцами обсуждают проблемы оперной режиссуры. За ошибки в родной речи можно словить ядовитые взгляды в общественном транспорте. Выпускники философского факультета вообще универсалы и могут заявиться к вам в качестве электриков, штукатуров, установщиков газовых котлов. Про разносчиков пиццы я уж не говорю – там кого хочешь можно встретить вплоть до преподавателей вузов.

Вот для этой аудитории покатили бы ночные лекции легендарного киноведа Олега Ковалова (который ещё тридцать пять лет назад в киноклубе «Спартак» выступал!), философские диспуты и показы спектаклей лучших петербургских театров. Только реально лучших, а не лучше всех распиаренных. Возможно также чтение с выражением хороших книг бедными петербургскими артистами, которым сейчас почти что и негде подработать.

Вот так вот, тихо и скромно, без помпы и громадья планов, семьдесят восьмое петербургское телевидение могло бы стать полезным. Всего-то двадцати двух не хватает до ста. Совсем немного.

А пока что с нетерпением жду котёнка, залезшего на дерево.

Ему достаточно!

Счастлив тот, кто имеет достаток – кому достаточно того, что у него есть, кому совершенно хватает его жизненных средств. Не чувствует он себя ни бедным, ни богатым, не мечтает выиграть или украсть миллион, никому не завидует и не жалуется. Клянусь, такой человек живёт рядом с нами в Петербурге, и я его прекрасно знаю лет сорок. Да может, и вы его знаете, видели или читали, потому что Неподкупный (он литератор, журналист) живёт почти всю жизнь в одном и том же доме и давно печатается в одном и том же издании. Разговорились мы тут как раз о средствах к существованию, и Неподкупный говорит так спокойненько – «а у меня деньги есть». Источники такие: получает пенсию, сдаёт квартиру, оставшуюся от родителей, кое-что зарабатывает публикациями, а кроме того, пишет и издаёт за свой счёт книги небольшими тиражами, но они расходятся. Поскольку Неподкупный не сочиняет романов, а создаёт солидные исследования страниц по семьсот – на такие вещи всегда есть устойчивый отряд любителей. Тем более наш Неподкупный – борец, активно сражается за исторический облик города и за неприкосновенность культурных ценностей. Чуть не каждую неделю по этому вопросу пишет заявления в прокуратуру и доводит своих неприятелей до острого психоза. А как с ним справиться? Никак. Его ничем не купишь – ему достаточно. Живёт он один, и через семью его не зацепишь – «одинокий путник идёт дальше других», как сказано в «Бэмби».

Но дело обстоит ещё фантастичней. На днях за общим столом один человек стал увлечённо рассказывать о том, как он путешествовал за границей и осматривал достопримечательности. И я заметила густую тень скуки на лице Неподкупного. Внезапная догадка осенила меня! «Скажи, – спросила я осторожно, – а ты ведь, наверное, вообще за границей не был?» – «Нет, – отвечал он. – Зачем? Да я и в Москве последний раз был в 1994 году… Я сейчас пишу комментарии к роману писателя К. Будет шестьдесят листов!» (это более тысячи страниц)… Вот не скажу, что с радостным аппетитом читаю книги Неподкупного. Их не назовёшь лёгким и приятным чтением – они так же специфичны, как и их автор, которого не назовёшь лёгким и приятным собеседником. Это, конечно, личность суровая и оригинальности болезненной. Но уважение моё к Неподкупному неизменно. Я им даже восхищаюсь. Побольше бы таких людей – которым *достаточно.* Они заняты не погоней за призраком денег, а своим делом. И главное, такие люди есть. И наш Неподкупный, в тяжёлых очках и с большим портфелем, каждую неделю уверенными шагами идёт в прокуратуру – бороться.

А если бы такой человек работал в прокуратуре?!

Хорошо бы хором

Недавно в минуту светлого настроения запела: «Тёплый сумрак ночной всех зовёт на покой…» И задумалась: откуда я это знаю? А, мне двенадцать лет, я выступаю в составе школьного хора на смотре, пою «Колыбельную» Брамса вторым голосом, стараюсь. О как въелось – весь репертуар помню до сих пор! Абсолютного слуха у меня нет, однако же воспринятого в детстве хватило, чтоб я стала внимательным слушателем. И ноты не представляются мне скоплением мелких вредных насекомых. И откровенного музыкального безобразия мне не вынести. Кроме того, когда я попала в хор, то стала куда меньше болеть.

Всем известно, что петь полезно для здоровья – и физического, и душевного. В моём баснословном советском детстве об этом не толковали, просто пение входило в обязательную программу обучения без разъяснения, зачем это нужно. С первого по пятый класс – изволь сидеть на уроках, изучать нотную грамоту, слушать о жизни композиторов и петь в классном хоре. Если у ребёнка вдруг обнаруживался слух и голос, ему предлагали ходить на занятия общешкольного хора. Школьные хоры выступали на смотрах, словом, была заведена целая система воспитания из человека мычащего – человека поющего. Но на днях я выяснила, что уроков пения и музыкальной грамоты в обязательном школьном ассортименте больше нет, и один известный музыкант давно ратует за их восстановление, но пока безуспешно.

Вот этого я уже совсем не понимаю – кому мешало? Пение в хоре просвещает, образует человека и к тому же доставляет такое удовольствие. Вы скажете: есть же караоке-бары, иди и вой сколько хочешь. Но это доступно с определённого возраста, к тому же караоке – дело одинокое и вольное: человек может гордо и отчаянно фальшивить, и никто ему не указ. А в хоре-то учили петь правильно, в хоре ты слышишь общее звучание, хор – это гуманистический вариант коллектива.

Жить в коллективе – это зачастую проблема той или иной степени болезненности. Хорошо, когда коллектив делает понятное и полезное дело, а если цель неясна или вообще отсутствует? Если судьба сводит вместе людей несовместных? В хоре всё-таки есть определённые фильтры (слух, голос). И несомненная цель: спеть! Вырабатывается привычка к дисциплине и ответственности. Является чёткое осознание, что, при всей своей ослепительной индивидуальности, ты – наравне со всеми, ты – участник Хора.

Люди у нас любят петь. Притом караоке остроту тяги снимает не вполне – многие стремятся петь именно хором. Особенно во время дружеских попоек. Вот наступают выходные, и на широких просторах садоводческих товариществ начинает куриться дымок от мангалов, а через некоторое время мощные стихийные хоры заводят свои экстатические концерты…

Тут уж, конечно, проблемы слуха и голоса меркнут перед могучим излиянием в мир мятущейся души поющих! Душа, знаете ли, своё возьмет, как её ни придавливай. Но, как спрашивал финн в незабвенных «Особенностях национальной охоты»: а нельзя то же самое, но без водки? Собираться и петь. И подучиться этому хоть немножко…

Хорошее дело – хор. Даже сама бы пошла и попела. Тёплый сумрак ночной… Только – где теперь? Эх.

Газон: для чего нужен он?

Это начинается утром в субботу. Отцы семейств, прибыв на дачу в пятницу вечером и отдохнув традиционным способом, утром в субботу встают с острым и страстным желанием срочно сделать что-то полезное и очевидное для дома, для семьи.

Самое очевидное (причём не только для семьи, но для всех окружающих) – это взять в руки триммер/газонокосилку и начать стричь газон. Теперь ведь почти у каждого дачевладельца есть газон. Стало быть, характерный звук не с четырёх – с сотен сторон мне обеспечен. Газонокосилки ревут не хуже мотоциклов. Начинаем отдыхать!

И что за напасть с этими газонами? В моём детстве личных газонов ни у кого не было, на дачах разводились цветники и сажались огороды. Газоны проходили по ведомству эстетики общественного пространства, они имелись в парках и скверах, и на них красовалась угрюмая табличка «По газонам не ходить!», обязательно причём с восклицательным знаком. Смысл газона был ясен: это – владение государства. По газонам нельзя было не только ходить, на них запрещалось вообще всё: сидеть, лежать, плясать, пить, морально разлагаться… На них можно было только смотреть и понимать: вот он, газон. И он не для тебя, мелкого и гадкого, а для торжества самой Идеи Газона. Идея Газона – это порядок в его идеальном виде!

А потом пришло американское кино. И английские сериалы. И народ увидел, что у правильных людей возле дома обязательно есть газон, ровненький, зелёненький, и этот газон следует прилежно стричь, чтобы он всегда оставался ровненьким и зелёненьким. И наши люди вдохновенно бросились творить около себя на дачах такие же газоны, как у правильных людей.

Я прошлась по нашей дачной местности именно с целью рассмотреть личные газоны граждан и постичь их смысл. Результат меня пронзил. Никто не лежал на газоне, не сидел, не играл в игры, никто по газону даже не ходил. Газоны были пусты. Через почти тридцать лет после распада СССР личные газоны оставались воплощением чистой идеи и не несли никакого практического смысла. Газон что-то символизировал, но что?

Вы скажете – это красиво. Воля ваша, не нахожу я никакой особенной красоты в однообразно зелёном и усиленно постриженном газоне. Цветники куда прекраснее. Клумбы, альпийские горки, ручейки, сады камней, декоративные кусты – есть множество разнообразных способов усладить взор и дать занятие рукам. Что заставляет людей пыхтеть над устройством травяного ковролина, который они притом никак не используют? Неужели триммеры и газонокосилки, которые взрывают мне мозг каждую субботу, – это следствие миража, грёзы, мечты?

Мечты о том, что стоит завести газон – и приблизится та самая, «правильная» жизнь, как в американском кино и английских сериалах. И ты заживёшь как лорд какой-нибудь или адвокат фирмы, на худой конец. И тогда понятно, почему на газонах этих никто не сидит и по ним не ходит.

Это же не газон – это чистая грёза! Хрупкая, чистая, нежная грёза. Её нельзя трогать. Её можно только созерцать…

А если звёзды не зажигают?

«Послушайте! Ведь, если звёзды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» – воскликнул Маяковский. Творческих людей особенной природы и судьбы часто называют «звёздами», их тоже «зажигают» (популяризируют, прославляют), сами по себе они могут, конечно, вспыхнуть, но кто об этом узнает без специальных усилий?

Теперь попробуем вспомнить, кто из нынешних звёзд – петербуржец, и припомним мы малую горстку людей. Возьмём временной интервал в двадцать лет. За это время прославились: Дмитрий Нагиев, Иван Ургант, Елена Ваенга, Михаил Пореченков, Константин Хабенский и… и… разве что ещё Анна Ковальчук и Елизавета Боярская. Все остальные петербургские звёзды обязаны своей славой советскому периоду истории и городу Ленинграду, из которого они стартовали на общесоюзную орбиту. Тогда страна узнала наших ленинградских певцов, артистов, музыкантов, композиторов – и помнит их до сих пор, хватило той сокрушительной славы на много десятилетий. Последними ленинградскими героями были самодеятельные рок-певцы, которых советская империя раскрутила уже на своём закате. Погибая, успела растиражировать славу Цоя, Гребенщикова и других молодцов. Но прошла красная волна рока, и где новые звёзды?

Город забит талантливыми молодыми людьми. Например, в любом театре вы найдёте десятки прекрасных юных лиц. В одной только «Мастерской» Григория Козлова сколько замечательных юношей и девушек, все они потенциальные звёзды, даже не национального – мирового масштаба. Ярчайшие индивидуальности, и притом скромные, без малейшей развязности. Наш театральный институт держит марку, до сих пор отбирает учеников грамотно, и дикцию им ставит отлично, и пластике обучает, нашего петербургского актёра всегда можно узнать по отличной выучке.

А дальше ему надо вытаскивать счастливый билет и перебираться в Москву. Иных вариантов нет. В Москву, например, почти что полным составом перебрались все способные молодые артисты системы КВН и «Камеди клаб», потому как в Петербурге неважно обстоят дела с кинематографом, с телевидением и радио…

Конечно, и прежде певцы, артисты и прочие творческие люди зависели от Москвы и от эфира на главных телеканалах. Но у нас был «Ленфильм»! И «Лентелефильм»! Ленинградское телевидение, если вы забыли, транслировалось на весь СССР. Помню, какая буря в перестройку поднялась, когда в популярной статье Ленинград назвали «великим городом с областной судьбой». Ха! Нам бы сейчас эту областную судьбу!

Получается довольно грустная картина. В Петербурге хорошо родиться и выучиться. Сделать первые шаги. Но лишь запахло успехом – уноси ноги. Тогда есть шанс попасть в то место, где зажигают звёзды. Но там давка…

Выхода есть два. Первый: смириться с бесславием и тихо делать своё дело без надежды на громкий шум вокруг своего имени. И второй: бороться за реинкарнацию творческого Ленинграда с его возможностями – в современном Петербурге.

Темно, темно! Зажигайте уже звёзды!

Привет privet, народ narod!

А вот как-то упустила я момент. Не заметила, когда именно рядом с родной кириллицей в названиях улиц и станций метро появилась гордая латиница. Выпал из памяти год, принёсший дикторов с щегольским выговором, точно они вчера десантированы прямиком из британского телевидения – для осуществления просветительской миссии: объявлять в злосчастной России остановки общественного транспорта. Когда в «Сапсане» обращение к пассажирам увеличилось вдвое и каждую бессмысленную инструкцию английские дятлы стали вбивать в голову несколько минут? Произошли все эти перемены с какой-то волшебной незаметностью. И тихо, без споров и обсуждений: стоит рядом с надписью «Василеостровская» немыслимая «Vasileostrovskaya», так это обязательно так и надо. Для приезжих. Не учить же им кириллицу, они не в состоянии, они люди цивилизованные, и при виде кириллицы у них сразу начинается мигрень и диарея одновременно.

Но сегодня, когда в городе нет тех самых нежных людей, испытывающих панические атаки от вида и звучания русского языка, нелепость и даже унизительность процедуры дублирования информации для их ублажения как-то уж особенно очевидна.

Я бывала за границей. И нигде, ни в одной стране мира никто и думать не думал о моих удобствах в плане информации. Могу я прочитать название станции метро, не могу – всему миру было безразлично. Только в самых-самых знаменитых музеях находились аудиогиды с русским языком. А так – выживайте как хотите. Никакого снисхождения и угождения. Не представляю себе, чтобы во Франции вдруг озаботились проблемой, а понятен ли их язык приезжим! И теперь, внимание, вопрос: а с какой стати мы стелемся перед иноземцами в низком почтительном поклоне? Почему так исступлённо думаем об их удовлетворении? Мы что – колония, чтобы пояснять язык диких аборигенов для настоящих господ?

Так что же, вы против надписей на латинице для комфорта туристов и дублирования информации в транспорте на английский, спросите вы меня. Вообще-то да, против. Это те самые двойные стандарты: нас шпыняют чуть не по всему миру и уж, во всяком случае, полностью равнодушны к нашим удобствам. А мы растягиваем рот в подобострастной улыбке: «Некст стэйшэн Нэвски проуспэкт!» Это означает – для меня – некоторый дефицит самоуважения. Пусть учат русский вообще! С какой стати затеялся и осуществился этот лакейский прогиб – имена своих улиц писать на чужом языке, в родном народном троллейбусе на аглицком квакать? Что сказал бы на это царь Иван Васильевич, представляете?

Ну, а если без шуток, то, конечно, не стоит всё доводить до абсурда. Где-то перевод информации уместен и желателен – в аэропорту, на вокзале, в гостиницах. Но это должен быть строгий минимум. Надо прежде всего думать не об удобствах заезжих иноземцев, а о своих гражданах. И, что называется, держать фасон. Не сгибать поясницу в страстном желании угодить.

Некрасиво это.

2
Что делать? Не вопрос!

Идите вы к баскам

Довелось мне однажды побывать в Сан-Себастьяне, находится-то этот город в Испании, но является сердцем таинственной «страны басков». Баски – совершенно загадочный народ, гордо сохраняющий свою самобытность, отвоёванную в боях. Выхожу как-то раз из отеля – шум, крики, марши гремят, явно военные, и баски в национальной одежде шествуют по улицам. Что празднуем? Оказывается, таким образом отмечают баски свою древнюю победу чуть ли не над Наполеоном. То есть, может, и победы не было, а было сражение, в котором баски себя гордо проявили. В общем, празднует народ победу, а что там на самом деле было, это уж к историкам. Туристы ликуют, есть что фоткать, баски самобытно маршируют, и я думаю, тому баску, который вздумал бы публично сказануть, что нечего праздновать, когда независимости нет и экономика хромает на обе ноги, ни в одном баре самого крошечного тапаса бы не продали.

Это я понятно к чему – каждый год нынче идут у нас разговоры, что нечего праздновать Победу, когда… И перечисляется, что именно. Язв у нас хватает. Только ни к чему эти разговоры. Шумно празднуем? Так нас побольше будет, чем басков, да и Победа наша на исторических весах потяжелее. Всё-таки народы Советского Союза раздавили фашистскую гадину. И если кому-то это непонятно, может, стоит засунуть язык в известное место и просто помолчать? Это будет вежливо и наполнено смыслом. А вопросами социальной справедливости – исключительно важными – разумно заниматься до и после праздника.

Несколько раз я была на марше «Бессмертного полка» – именно как внучка дедов и бабушек, которые воевали: один дед, мариец Евгений Москвин, погиб на фронте. Впечатление получила светлое и по-настоящему праздничное – тысячные массы людей не были дикой толпой, а шли спокойные, поголовно трезвые, радостные. Песни военных лет пели. Восстанавливали, как говорил принц Гамлет, связь времён. Никакого классового и сословного расслоения – настоящая общность. Я сама по характеру – свободолюбивый отщепенец, кустарь-одиночка без мотора (по классификации фининспекции двадцатых годов прошлого века). Но одновременно – и дочь трудового народа. И без Победы меня бы попросту на земле не было. Но я есть, стало быть, как сказал поэт, «я этот день люблю и праздную».

А всем желающим отучить народы от дурной привычки вспоминать и праздновать свои победы, могу посоветовать: идите к баскам. Ну, для начала. Чтобы закалиться в борьбе. Объясните им, как они, баски, смешны в своих штанишках и беретках, со своими оркестрами и маршами, которые срывают ритмы мирной жизни городов. Тем более вообще непонятно, что они празднуют и что себе воображают. Победители, ха. Да под кем только не лежали эти победители…

По результатам этого похода можно будет попробовать начать воспитывать и свой народ. Хотя мне почему-то кажется, что итоги предприятия по перековке сознания басков окажутся плачевными. Очень уж они упрямые, баски-то.

Конечно, не упрямее русских – с нами поди сравняйся в упрямстве, – но тоже неплохо могут за своё заветное, что называется, «вломить в торец».

А зачем быть богатым в Петербурге?

Неочевиден смысл быть богатым в нашем городе. Богачи, они чего хотят? Например, отправить детей учиться за границу. Но уезжать из Петербурга в поисках образования и культуры странно. У нас с этим до сих пор всё не так уж плохо. Богатые, кроме того, любят чувствовать своё богатство – скажем, подарить жене бриллианты. Ну, подарит. И куда в них? В Москве, там другое дело, там «ёлки» в Кремле бывают, или министр вдруг на день рождения позовёт. А у нас и министров-то нет, и Смольный – это вам не Кремль. Там со времён революции суровый стиль заведён. Никаких «ёлок».

В Филармонию, что ли, бриллианты на себя вешать, где сидят пожилые учительницы музыки с партитурами, сверяя исполнение? Как-то глупо. Туда и жемчуг вряд ли прилично надевать – разве янтарь. А на замороченные авангардные театральные премьеры (других нынче в городе нет) вообще уместны деревянные бусы. Лучше даже пластиковые или стеклянные.

Есть, конечно, выход: в окрестностях города отгрохать домище покруче, чем у трудолюбивых прусских королей, или даже выше в крутизну полезть – переплюнуть мечтательных русских царей. Ладно, а кого туда приглашать? Таких же, как ты, – скучно, ничего они толком не оценят, а будут хвастать, что у них всё выше, больше и дороже. Бывших одноклассников? Так они будут фланировать с кислыми физиономиями. Ну, значит, сиди один у бассейна и глуши виски, невелика радость. А тот, кто раньше на этом участке жил, глушил у колодца водочку – вся разница.

Посещать дорогие модные рестораны? Но в городе не существует по-настоящему дорогих ресторанов (прогорят за полгода максимум), и все наши модные заведения в принципе доступны для людей среднего достатка. Одеваться у модельера Парфёновой – да, это выход. Но Парфёнова пришивает скромный лейбл на воротничок изнутри, и кто узнает, что ты одеваешься у Парфёновой, если ты сама гордо не заявишь об этом, и опять-таки вопрос: кому говорить? Такой город странный у нас, знаете ли. Пожмут плечами, и вся реакция.

Наши богачи – они какие-то невидимки. Неясно, где они кучкуются и тусуются. Живут они своей призрачной жизнью, никого особо не раздражая. Иногда вроде бы где-то всплывают – в яхт- и гольф-клубах, на теннисных турнирах…

Богачи – не наши – любят приезжать в Петербург. Вот для приезжих богачей есть способы почувствовать своё богатство: снять номер в шикарной гостинице, заказать личного экскурсовода в Эрмитаже, и венец стремлений – купить квартиру в центре города (это всем миром признанная примета роскоши).

У призрачных петербургских богачей, собственно, один способ выйти из сумрака: торжественно и громогласно, в лучах света, сдавать деньги на культуру. И страстно бороться за сохранность исторического центра.

Это тот случай, когда петербуржцы простят столь бессмысленное неприличие, как быть богатым в Петербурге.

Не знаю я!

Есть странный страх: признаться в том, что ты чего-то не знаешь, не видел, не читал. Он гнездится обычно в умах людей, которые довольно много знают, видели и читали. Но вот именно того, о чём зашёл разговор, не знают – и стесняются сказать. Изображают на лице знакомство с предметом, оживлённо кивают – да, да… К чему пляшутся эти балеты – непонятно. Вот те, кто почти ничего не знает, не видел и не читал, нисколько этим не встревожены. Они могут всю жизнь прожить в городе и не полюбопытствовать, что это там за музеи торчат и театры понатыканы. А мы (что-то знающие, чего-то не знающие) мучаемся, что недостаточно информированы. Притом вроде бы эта черта непонятного стеснения присуща скорее рождённым в СССР, потому что современные подростки вообще не понимают, о чём речь, – погугли или яндекси, и всё мигом узнаешь.

Мне кажется, надо честно признаваться: не видел, не читал, не имею понятия. Это само по себе безобидно, однако – расширяет излучение правды в атмосферу. А расширять плацдарм правды в океане лжи – вполне достойная задача для человека. Поэтому я решила признаться кое в чём, чего не знаю.

Я совершенно не в курсе, кто такая Ольга Бузова и почему СМИ постоянно предлагают мне узнать о её загадочных телодвижениях. Я не видела ни одной серии «Игры престолов». Более того – мне почему-то не удалось посмотреть даже фильм «Аватар». При словосочетании «Чак Паланик» я, очевидно, обязана делать понимающее лицо, но увы. Я прочла только один роман Т. Устиновой и воскликнула: «Жамэ!» («Никогда» по-французски.) Пыталась заглянуть в «Красное колесо» Солженицына и отпрянула в ужасе. Несколько раз принималась читать «Воскресение» Льва Толстого и не одолела и ста страниц. Впрочем, от прославленного романа «Зулейха открывает глаза» Яхиной я откусила вообще только пять первых предложений. Только из нынешнего новогоднего телевизора узнала, что на свете живёт Светлана Лобода, поющая про «твоии глазаааа». Я никогда не гуляла ни в Ораниенбауме, ни в Гатчине. Вряд ли я сумею заставить себя посмотреть «Легенду о Коловрате». Из любого списка ста лучших фильмов всех времён и народов я знаю разве пятьдесят пять – шестьдесят. Я никогда не была в санкт-петербургском «Театре Дождей». Более того – два года живя летом в Кобрино, где расположен музей «Домик Арины Родионовны», я так и не смогла его посетить!

И это, наверное, лишь сотая часть моих преступлений перед культурой. Да, стыдно. Но я сознаюсь в этом – по-русски, на миру! И предлагаю решительно всем последовать моему примеру. Поверьте, как только скажешь волшебное «не знаю, не видела, не читала», на душе становится так спокойно, так легко…

Найти вкус халвы

Был такой советский фильм – «Вкус халвы» (1975). Про эмира Бухары, который обожал халву, но утратил её вкус – конечно, от пресыщения. (Уж разумеется, эмира играл Армен Джигарханян.) Однако Ходжа Насреддин сумел вернуть эмиру вкус простым способом (надо было всего лишь сделать халву временно недоступной). Надо сказать, некоторые наши соотечественники, значительно превосходя эмира Бухары в богатстве, тоже рискуют утратить «вкус халвы», но даже пара дней в камере возвращает этот вкус почище Насреддина. Подобные «эмирские» проблемы – конечно, не наш с вами вариант. Мы утратили «вкус халвы» (хороших продуктов) по иной причине – не мы пресытились, а продукты испортились.

Не будем муссировать трагическую проблему сосисок. У них не то что скверный вкус – у них нет вкуса в принципе. Да, я пыталась, я пробовала найти хоть что-то съедобное в фальшивом сосисочном мире, однако реальность сломала даже моё титаническое упрямство. И я рассталась с этой розовой резиной. Но как было возможно лишить вкуса такую элементарную вещь, как молотый чёрный перец? То, что продаётся, – оно молотый и чёрный, но оно не перец! Оно и не пахнет даже перцем. Тут один человек мне пожаловался и добавил, что он пробовал купить перец горошком и размолоть – ничего! Ха! Я это прекрасно знаю. Я чёрным перцем затарилась в Анапе на рынке, разведав у опытных людей, где брать подлинник. Купленный перец ароматизировал мне весь чемодан, и класть его в блюдо надо было в марлевой маске (иначе расчихаешься на полдня) и буквально по пять молекул, ибо это – перец-зверь. Ещё граммов сто осталось, я его берегу.

Но теперь другая проблема – горчица. Как её не обзывают производители – русская, адская и так далее, не горчица это. Горчица драть должна до слёз, а эта дрянь еле щиплет. Советуют умники – купи, дескать, горчичный порошок и сама замути. Так где гарантии, что горчичный порошок остался верен своей сути? Мне что, на дачном участке теперь горчицу выращивать? Но ничего, ничего. Что-нибудь придумаю. Вот ведь уже впала было в отчаяние от хлеба – какой ужасный стал хлеб! – а разыскала пекарню на Васильевском, где ржаной круглый даже что-то вроде напомнил из детства.

С некоторыми продуктами придётся расстаться навсегда – они ушли. Молоко ушло. Настоящего майонеза не существует. Хозяйки делают майонез сами – это вариант, конечно, но надо же подобрать ингредиенты, а там растительное масло, причем рафинированное, а растительное масло… я вот даже не смогу уверенным голосом назвать продукт, который можно, не копаясь на полках и не мучая глаза чтением этикеток, спокойно купить. Макароны? Да ладно! Наивный вы человек. Написано «пшеница твёрдых сортов», так вы сразу и поверили? Вы знаете точно, что эти люди (производители) считают твёрдыми сортами?

Во времена эмира Бухары бедные люди, ясно, недоедали – зато когда ели, то ели подлинное, имеющее вкус. А большинство из нас, по меркам древности, вовсе не бедны, однако заполучить настоящую еду мы можем с изрядным трудом. Но мы ищем. Нас много. Мы поддерживаем друг друга. Идём в темноте, на ощупь, ошибаемся – но и находим. Мы вернём себе «вкус халвы».

Прав ли профессор?

Одна учёная женщина-профессор, весьма авторитетная и красноречивая, считает, что наш мозг исключительно восприимчив к влиянию среды и записывает буквально всё. Поэтому следует строго следить за тем, что ты читаешь, смотришь, слушаешь, и строго браковать тех, с кем разговариваешь. Прочёл глупую книгу, послушал бездарный музон, пообщался с дураком – мозг всё воспринял и приготовился к деградации. Так что ускоряйте шаг возле полок, где в книжных магазинах торчат яркие обложки иронических детективов и советов о том, как выйти замуж, не приходя в сознание. Это не книжки, а губительные вирусы для мозговой активности!

Гипотеза, конечно, занимательная. Но почему-то в профессорской трактовке работает только в одну сторону. То есть мозг, по этой версии, начинает слабеть под воздействием напора глупости. Возникают два сомнения.

Сомнение первое: а как же защитные силы организма? Если они действуют во всём физическом теле, отчего бы им не работать в теле ментальном, если оно здорово и не имеет повреждений? Взрослому здоровому интеллекту глупые фильмы, плохая музыка и общение с дураками не должны наносить ни малейшего ущерба. Сколько дураков писали Антону Павловичу Чехову и набивались ему в приятели – ничего с разумом Писателя не приключилось. В принципе общение с дураками столь неизбежно, что полностью уклониться от них можно разве на необитаемом острове. То есть выходит, мозг вообще сберечь никому не удастся?

Второе сомнение. Коли дегенеративная информация портит голову, то справедливо было бы предположить, что, напротив, великие книги, классическая музыка и общение с мудрецами способны значительно развить и укрепить этот наш трепетный мозг. В целом вроде бы так. Однако я знаю десятки людей, получивших образование, читавших великие книги, смотревших первоклассные фильмы – и остались они при этом глупцами. Причём глупцами худшего типа – с претензиями на свою образованность и элитарность.

Есть, видимо, некий фактор икс, осложняющий картину. Я бы предположила, что мозг – это одно, а вот ум – что-то немножко другое. В то время, когда мозг исправно загружается потоком информации, часто мусорной, ум выхватывает из потока то, что питательно и нужно ему. Даже из глупой книги здоровый ум подцепит пару наблюдений, которые ему пригодятся; да сам анализ книги и вывод о том, что она глупа, – это серьёзная умственная работа. И понять по разговору, что перед тобой дурак, может лишь умный человек, дураки дураков не опознают.

А стало быть, всё не так уж страшно. Конечно, в фазе ускоренного развития ума, в детстве и юности, необходимо принимать меры по фильтрованию информации. Но ежели разум укрепился, вряд ли его всерьёз собьёшь тупой книжицей или плохим фильмом. Сейчас восемьдесят пять процентов фильмов – скверные, а никто при этом с ума не сходит, наоборот – в людях развилось сильное критическое начало, они думают, анализируют, и мирные обыватели культуры порой высказывают острые замечания – поинтересней, чем профессиональные критики.

Так что уму главное – работать. Тогда он справляется с наличной действительностью, какой бы идиотической она ни была.

Кого надо спасать

Человеку свойственно задаваться вопросом: «А что, если бы…» И прикидывать в уме варианты кардинальных улучшений прошлого – и личного, и общего. А что, если Пушкин бы выжил? А господа офицеры отбили у красных в 1917–1918 годах царскую семью? А Ленинград не оказался бы в блокаде? А одно из покушений на Гитлера удалось? Целое направление в искусстве имеется, в напряжении сил предающееся игре в разные чудесные возможности. Главное слово тут – «спасти»: Пушкина, императора, Ленинград… Хоть игровым образом, но преодолеть трагизм истории, которая почему-то предпочитает самые жестокие варианты. Что ж, если людей увлекают такие забавы, ничего плохого в этом нет, ведь они, я надеюсь, понимают, что никаким «спасительным» жестом или поступком ход истории не повернёшь. Нет этой развилки – дескать, направо пойдёшь, будет это, а налево, будет то. Как-то иначе всё устроено.

Я думала об этом, с восхищением знакомясь с замечательными фильмами и репортажами журналиста Бориса Соболева. Они иногда попадались мне в рубрике «Специальный корреспондент» на «России-1», но я не обращала пристального внимания на личность автора. А тут обратила. Посмотрела подряд «Идущие к чёрту», «Бремя цыган», «Страна героев», «Коронованные особы», «На дне знаний» и многое другое. У Соболева интересная специализация – он сосредоточенно занимается мошенниками и аферистами всех видов и сортов. Теми, кто самым бесстыдным образом продаёт всё на свете – дипломы о высшем образовании, награды, призванные отличить лучших, победы на конкурсах красоты, надежду на исцеление и так далее. Остроумно-ироническая манера журналиста лишь слегка скрывает глубочайшее презрение, которое он явно испытывает по отношению к бессовестным обманщикам, верующим только в деньги. И если мнимые экстрасенсы (а из расследований журналиста очевидно, что никаких экстрасенсов и магов не существует, есть лишь артистичные мошенники) выглядят потешно, то иное впечатление от продающих дипломы. Дипломы о высшем медицинском образовании. Тут не до смеха – кто гарантирует нас от врача, который ни дня не проучился профессии? И вот фильмы Соболева в общем складываются в эпическую картину современных нравов. Разнородные потоки обмана сливаются в могучее море фальши. Люди так извертелись, что даже сами себе врут. Никто не скажет: я – взяточник и аферист, я – кучка мусора, нет, они галлюцинируют наяву, воображают себя какими-то рыцарями-джедаями из «Звёздных войн».

Так вот: есть ли на свете такой волшебный жест или поступок, чтобы спасти этих нравственно пропащих людей? Какую историческую развилку нам надо обнаружить, чтоб повернуть направо, а не налево? И как спасти тех, кто и не собирается спасаться?

А единственное, что может спасти, – это постепенное накопление нравственных усилий многих-многих людей. «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов» – как сказал Пушкин.

Кто тут воспитанный человек?

Ничего, ничего не понятно. И раньше-то было смутно, а теперь совсем темно. Я о проклятом вопросе, кого можно считать Воспитанным человеком. Ведь никаких официальных законов на эту тему не придумано, и правила в рамочке ни на какой стеночке не висят. И даже нет уверенности в том, что Воспитанным человеком быть хорошо и следует к этому ободряющему идеалу стремиться, потому как неизвестна сама цель – то есть вот этот самый сияющий добродетелями образ Воспитанного человека. Кто он? Как себя ведёт? Чем занимается в свободное от демонстрации хорошего воспитания время? И вообще, откуда бы он взялся? Как говорил незабвенный Шариков, «господа все в Париже», причём сто лет как. Новые господа, оно конечно, научились грамотно есть омаров, но ведь этого мало. А бывшие советские инженеры, конечно, что-то такое помнят ещё из картин «Ленфильма», мелькали там трепетные люди, которые утверждали, что нельзя читать чужие письма, потому что нельзя, и всё. Но уж давно и «Ленфильма»-то нет. И где его применить теперь, воспитание или хотя бы мечту о воспитании, если фразу про чужие письма сегодня мало кто поймёт вообще. Поскольку множество людей страстно желает всем всё про себя рассказать и даже показать. Чего устраивать тайны на ровном месте? Чужих писем не бывает, в стеклянном доме живём!

По телевизору нам часто показывают энергичных, предприимчивых, говорливых людей, но сказать, что они относятся к числу воспитанных, трудно, потому что многие готовы рассказать о самых интимных сторонах своей жизни, кроме того, в разговоре они норовят громко кричать и перебивать собеседника. А этого Воспитанный человек не может себе позволить никогда – страшнее этого только забыть, что в телефонном общении надо прежде всего спросить, не помешал ли ты кому-нибудь и удобно ли Другому человеку разговаривать. Поскольку (с трудом вспоминаю, где-то читала в детстве) постоянно помнить о Других людях – главная задача Воспитанного человека. Нет, это что-то из иной галактики. Не приживётся это у нас. Даже среди элиты.

Я раньше считала, что, скажем, профессия театрального режиссёра располагает к хорошему воспитанию – надо ведь общаться с людьми, производить не кирпичи, но творческий продукт. Деликатное дело. Но это пока не стала сама сочинять пьесы. Тогда обнаружилось, что многие режиссёры считают возможным не отвечать тебе полгода, год, вообще не отвечать, хотя от них ничего не надо, просто два слова – подошла вещь или не подошла, да или нет. И проблема не во мне лично – они никому не отвечают. Скорее всего, они люто ненавидят пьесы в принципе. Понимаю, однако Воспитанный человек не может ведь не отвечать на письма и обращения, правильно?

И не надо мне тут говорить ваше вечное «а сама, а сама». Я и не претендую. Я же за рулём. А кто за рулём, тот знает: у Воспитанного человека шансов на дороге нет. Уступить, пропустить, думать о Других людях, предупредить… не, без шансов. Я не борюсь за высокое звание Воспитанного человека, я только мечтаю его встретить живым.

Аудит вожделений

Употребление и распространение наркотических веществ строго запрещены законом, и правильно: человеческие потери на этом фронте огромны и кошмарны.

Но вот какое дело… Нечто вожделенное, производящее в организме эйфорию, чего желают всем существом, что становится каждодневной необходимостью, к чему привыкают страстно, – это что? Одна женщина призналась друзьям, что в течение месяца съела пятнадцать тортиков определённой марки, по половине торта за вечер. В своё оправдание несчастная выдвинула тот аргумент, что в этом торте нет бисквита, а только безе, крем и орехи. Так наркоманы лепечут: «Подумаешь, это всего лишь травка». Конечно, тортик не разрушил личность поедательницы, не принёс сокрушительного вреда организму, не исказил психику таким образом, что наша сладкоежка пойдёт воровать, дабы удовлетворить свою потребность. Но сам набор: вожделение, эйфория, привыкание к эйфории, потребность в дозе желанного вещества – он определённо наркотический.

А сериалы? Люди жадно спрашивают друг друга об интересных, захватывающих сериалах, ждут выхода новых серий, начинают смотреть – и не могут оторваться. Некоторые прямо плачут – ах, закончился мой любимый сериал, что делать! Создателей отличного сериала про Пуаро с Дэвидом Суше зрители прямо-таки осадили с требованием продолжить – те объясняли, что экранизировали все романы и рассказы Агаты Кристи с участием Пуаро, больше ничего нет, но этот аргумент публика сочла негодным. Подумаешь, текст закончился – пишите сами, пусть суррогат, нам сойдёт и суррогат. То есть все приметы абстиненции налицо.

Когда вы видите бегунов в парке, вы принимаете их за героев здорового образа жизни и тихо вздыхаете о своём несовершенстве. Известно ли вам, что примерно через сорок минут бега или быстрой ходьбы организм начинает вырабатывать эндорфины – наркотики морфиевой группы? Таким образом, объясняется ли прыть наших бегунов одной лишь тягой к здоровью? Что же получается – мы все наркоманы, что ли…

Вообще-то именно так и получается. И в идеале надо провести строгий «аудит вожделений» под девизом, известным нам с древнегреческих времён: «Ничего слишком». Русским следует быть особенно внимательными, ведь воскликнул же замечательный писатель Василий Розанов сто с лишним лет тому назад: «Есть ли на земле ещё такая же острая, пряная, артистическая, наркотическая нация, как русские?!» Страстно вожделеть, получать эйфорию от загадочных веществ и явлений (кайфовали же революционеры от «Капитала» Маркса) – это наше. Осторожно, товарищи! Полторта за день и восемь серий за вечер – безумие.

Даже если наутро вы броситесь бегать и прыгать. Возможно, это ещё страшнее…

Авторитеты, вы где?

Бывали такие времена, что мнение одного человека (литературного критика, допустим) могло вознести или унизить автора, потому как для публики требовался в дополнение к автору – авторитет. Тот, кто подтвердит или опровергнет ценность сочинения. Расхвалил Белинский Лермонтова – всё, юнец прописан в литературе прочно. Объяснил Добролюбов, что Катерина в «Грозе» Островского – это луч света в тёмном царстве, и Островский спасён от поношений. Правда, в дальнейшем положение дел осложнилось, выяснилось, к примеру, что авторитет не бывает абсолютным – для одних авторитет, а другим плевать на него. И власть авторитета не безгранична: никому не удалось ещё впарить публике откровенное фуфло на длительный срок или уничтожить реальный талант. Как ни пытались критики-современники растоптать Лескова, Чехова или Булгакова – ничего у них не вышло, хотя, разумеется, крови они им попортили немало.

Совсем недавно мнение авторитетного критика, скажем, из газеты «Нью-Йорк таймс» могло чрезвычайно повлиять на судьбу книги, фильма или спектакля: отрицательный отзыв неумолимо означал провал у публики. В культуре действовала целая группа страшных людей, мнения которых ждали и жаждали, боялись и мечтали о нём. Понятно, что у нас всё по-своему, однако и на родных равнинах авторитеты водились – не только криминальные, но и культурные. Вопрос: а где они теперь? Они существуют? Есть люди, чьё мнение может повлиять на публику, властно определить ценность произведения и его судьбу?

Главный авторитет нашего времени – «сарафан», то есть «сарафанное радио», то, что одна соседка сказала у колодца другой соседке. Определяя для себя, читать или не читать, смотреть или не смотреть, идти или не идти, люди ориентируются на «сарафан», который у каждого свой. Конечно, мнение популярной радиостанции или модного блогера тоже учитывается публикой, но уже не в качестве точного навигатора, а так – вот, дескать, этот говорит то-то, а там толкуют вот это. Реально повлиять на судьбу произведения может только мощное объединение мнений для травли или воспевания того или иного явления. То есть действующий авторитет может явиться только в виде хора. Такой совокупный хоровой авторитет, причём дирижёр этого хора чаще всего публике неведом.

Вот хор завопил, что «главный писатель современности, создающий новую русскую классику» – это мистер Икс. И попробуй теперь докопаться до истоков, кто первый запел эту песню и с каких щей Икс главный, и что это вообще такое – быть «главным» в литературе и производить новую классику. Остаётся терпеливо ждать, когда Икса с его новой классикой поглотят пески забвения, которые сегодня работают быстро и решительно…

В больших системах, как учит физика, поведение отдельных частиц не важно. Но мы люди, а не частицы, и знаем, как важен бывает один человек. Так что смелей, потенциальные авторитеты, не таитесь и не бойтесь: настоящий солист в силах и хор затмить. Если голос есть.

Вязать или не вязать

Есть такой устойчивый образ: бабушка. Уютная, в морщинах, седенькая, с внуками сидит и – непременно вяжет. Конечно, этот трогательный раритет не исчез вовсе, но в принципе многие женщины решительно взяли курс на ликвидацию «бабушки» как образа жизни. Седая, в морщинах, вяжет? Стройная, загорелая, на днях уехала с бойфрендом в Италию. О вязании при такой тенденции смешно и вспоминать. И какой в нём смысл, в этом вязании, когда больше нет дефицита и всё можно купить, так зачем тратить время, спрашивается?

Вообще-то, конечно, ручное вязание – ужасно обаятельное занятие, сама его эстетика (клубки, спицы, тихий вечер, движения рук) говорит о мирной, спокойной, но и творческой жизни. Ведь изделие надо продумать, выбрать нить и фасон, терпеливо созидать, не спешить, хладнокровно распускать изделие, если в вязку вкралась ошибка. Но, кроме творчества, вязание – это ещё и профилактика. Профилактика чего? Да того, что теперь кличут «Альцгеймером», а раньше называли просто – слабоумие. Ведь постоянные мелкие движения пальцев возбуждают нейронные связи мозга. Или что-то в этом роде, точно не помню, но, короче говоря, такие движения способны предотвратить слабоумие. Ни фитнес, ни косметические процедуры, ни поездки на юг этого не предотвращают, а мелкая моторика рук – может. Конечно, гипотетически лучше всего укрепляет мозг: 1) игра на фортепьяно (пока что вроде бы не было ни одного слабоумного пианиста); 2) занятия живописью (художники, бывает, сходят с ума, но в целом это путь крепких людей, не ведающих Альцгеймера); 3) дирижирование симфоническим оркестром (это вообще профессия ясномыслящих долгожителей). Но, согласитесь, такая дорога доступна немногим!

А вязание доступно буквально всем. Научиться основам вязания можно за один вечер. За три вечера связать простейшее изделие – обычно новички изготавливают шарф. Затем можно сколько угодно совершенствоваться, творить чудеса, вывязывать кружева, копировать из книжек невероятные узоры. Или хотя бы делать для собственного удовольствия простые хорошие вещички. Для тех же внуков. Ведь в том, что сделано любящими руками, таится благодетельная энергия.

Я немного умею вязать, меня мама в детстве научила. В студенческие годы я вязала довольно часто – сама выдумывала диковинные свитера с узорами. Что-то перепало детишкам. Дарила я друзьям шарфы на дни рождения – хороший выход из вечной проблемы подарков. Последний раз удалось доделать вещь года три назад, но вот уже три года скучают руки по вязанию. Что-то забросила я это дело. А ведь оно приносило мне удивительное успокоение, я бы даже сказала – умиротворение. Это своего рода медитация. Вот как у мужчин рыбалка, так у нас – вязание. И вовсе не обязательно к вязанию прилагаются морщины и седины. Вполне можно быть модной современной женщиной, а на досуге иногда вязать…

Так что на вопрос «Вязать или не вязать?», я даю уверенным голосом ответ: «Вязать». Мне кажется, даже сам вид женщины, вяжущей или вышивающей, несёт в души окружающих мир и радость.

Русский сувенир: возможно ли обновление?

Эстетика русского сувенира – вещицы на память о России – сформировалась давно и накрепко. Намертво, можно сказать. Как и во многих странах мира, тут в ход идёт самое узнаваемое, расхожее, известное – к примеру, изображения знаменитых соборов, дворцов, башен. Из сувенирных фигурок Эйфелевой башни уже можно было бы сделать десять «Эйфелек» в натуральную величину. Кстати, вспоминается, как один бешеный итальянец звезданул сувенирным изображением Миланского собора по лбу тогдашнего премьера Берлускони… но это нецелевое использование сувенира. Вообще сувенир должен быть абсолютно бесполезен. Это его предназначение.

Сувенир вбирает в себя всю могучую энергию местного колорита и воплощает её в виде символа. Матрёшка. Балалайка. Шапка-ушанка. Валенки. Самовар. Баба на чайник. Перестройка и девяностые годы добавили советскую атрибутику и лица вождей на матрёшках. Двадцать первый век – изображения действующего Президента. В целом канон сформировался. Турист поставлен перед довольно богатым выбором (одна шапка-ушанка на европейские глаза чего стоит! Они стоят перед ней со счастливыми лицами!). Есть, конечно, происки национальной оригинальности – так, в одном магазине мне встретились консервы (баночка) с надписью «Русская земля». Пользовалась спросом. Турист, он кто, по мнению продавца сувениров? Турист – овца. Мы-то сами, оказавшись туристами, что покупаем в иных странах? Те же «матрёшки и балалайки», только местного извода…

Но есть в этой чёткой сложившейся практике некая нота. Это петербургская нота, заветный вздох неполного удовлетворения. Чего-то вот не хватает, по мнению многих петербуржцев, в эстетике русского сувенира, когда она раскидывает своё мощное тело под сенью нашего города. Балалайки и самовары – это явления недискуссионные, так сказать, федерального пространства. Но у Санкт-Петербурга своё место в истории. Как его воплотить в образе сувенира?

Неоднократно на Московском вокзале я разглядывала сувениры с петербургской символикой. Стаканы, чашки, медали с силуэтами достопримечательностей, копии Медного всадника… Банально, аляповато, безвкусно. А ведь как ни крути, вкус у зодчих Петербурга определённо был. Встретилось оригинальное сочетание «русского» и «петербургского»: кукла-неваляшка «Исаакиевский собор» (изображение Исаакия красовалось на пузе игрушки). Всё бы ничего и даже смешно, учитывая баталии вокруг собора, да дело портила физиономия куклы. Румяная, улыбающаяся идиотической ухмылкой. Не наше, не петербургское выражение лица!

Я довольно часто вижу работы наших современных петербургских художников, фотографов, мастеров прикладного искусства. Поверьте, среди них уйма талантов. В том числе таланты запечатлевать образы города свежо, оригинально, остроумно. Известны вам такие имена: Алиса Юфа, Александра Овчинникова, Ирина Дудина (из гендерной солидарности называю женщин-художниц)? А ведь даже открытки и копии их работ могли бы привлечь внимание интуриста. Разве плохо купить вместо или вместе с лаптями и балалайкой хорошую оригинальную фотографию Города, картинку, открытку? Или турист-овца изначально считается лишённым вкуса и соображения? Но ведь это не так. Турист охвачен потоком мощной инерции, идёт проторенными для него путями, берёт, что дают. А если ему подсунуть не банальную кружку с кое-как намалёванными развалленными мостами, а реально ценный продукт самостоятельного творчества?

Пора, давно пора объявлять конкурсы на изготовление «русских петербургских сувениров». Строго отбирать лучшее. И давать нашим замечательным художникам и фотографам шансы заработать на жизнь честным трудом.

Что есть настоящее, иногда доступное на земле счастье.

Проверять, проверять и ещё раз проверять

Бурный поток современной информации состоит из таких диковинных сплавов правды и лжи, что не выдерживают даже сильные, в целом ясные головы. Вот встречаю на днях массу прикольных фотографий и возмущённых воплей на тему курения на балконе. Дескать, обезумевшие от злобы к народу власти запрещают курить на балконе, штраф за это положен! Почему? Уф, они ещё спрашивают – почему. Да там круглыми сутками только и думают, как бы людей замучить окончательно, что непонятно-то?

И начинается народное творчество. Лихое вдохновенное зубоскальство – скажем, публикуются изображения знаменитых людей, которые курят на балконе, и к ним идут иронические и скорбные подписи: а нам запрещено. Отдельную лепту вносят индивидуумы, публикующие бесконечно ценную информацию, что у них нет балкона или они вообще не курят… Извергается бурный поток творчества – и притом на ровном месте.

Нет запрета за курение на балконе. Его не существует. Штраф за курение на балконе положен только тогда, когда это привело к пожару. Вдохновенное зубоскальство было абсолютно вздорным, напрасным, а многие, слышавшие какой-то звон, да не знающие, где он, так и остались в убеждении, что рехнувшаяся власть опять бесчинствует.

Ещё случай: начинается обсуждение высказываний некоего правнука архитектора Шухова, который приглашён к нам на культурный форум дискутировать о судьбе исторического центра. Правнук формулирует крайне неудачно ту куцую мыслишку, что если нет денег на реставрацию, так надо дать девелоперам и прочим страждущим маленько заработать на сносах, на сооружении очередных градостроительных ошибок, короче, город должен развиваться. Это они называют – развиваться. Тут, конечно, у петербуржцев закипает разум возмущённый. Господи! Как они, эти мнимые развиватели (в основном, своего кармана), нам надоели! Живёшь тут – ни погоды, ни комфорта, ни денег, ни перспектив, одна красота исторического центра, и ту хотят испоганить… Активисты предлагают различные меры по встрече борзого правнука Шухова на культурном форуме. Ну так, чтобы мало не показалось. Чтоб навеки тот день ему запомнился. Тем более как будто бы правнук обмолвился, что-де Петербург превратился в мёртвый город и его надо бы оживить. Так мы все мёртвые, зомби, нам терять нечего – ха, мы вам, чрезмерно живым, с вашим брюхом ненасытным, покажем!

И что же оказалось? Что никакого правнука у Шухова нет, что свои мнения – видимо, для поднятия жизненного тонуса петербургских активистов, подувядших по осени, – высказывал, видимо, какой-то мелкий околоархитектурный аферист. Что, конечно, бдительности терять нельзя и за действиями властей всех уровней следить надо неустанно, но именно эта информация, насчёт правнука Шухова, не во всех очертаниях правдива.

То есть приходится буквально на каждом шагу проверять, проверять, проверять.

И сохранять хладнокровие. Так легко поддаться панике или общей истерике, начать вопить и бежать куда-то: а всё может оказаться враньём, чьей-то фантазией, выдумкой, искажением, словесной или оптической иллюзией. Граждане, попусту не яритесь, берегите энергию – ей-богу, ещё пригодится.

А нам как заряжаться?

Перед сном каждый день я непременно ставлю на зарядку все мои устройства: телефон, айпад, компьютер. Втыкаю вилку в розетку, и маленький знак-зигзаг на экране подтверждает, что зарядка началась. Тогда я ложусь спать – а это мой (и всеобщий) способ подзарядиться. Мы тоже втыкаем какую-то незримую вилку в розетку Вселенной, и есть вероятность, что мы проснёмся с новой, неизвестно откуда в нас закаченной, стопроцентной энергией.

Но сами знаете – ночной зарядки недостаточно. Надо куда-то подключаться в течение дня. А куда?

Лично меня обновляет природная вода – река, озеро, море, но это явление сезонное. Есть возможность подпитки от деревьев, я иногда обнимаю их (особенно люблю дубы) и чувствую бегущие от их стволов могучие токи. Так что если вы в парке увидите полную женщину, обнимающую деревья, не спешите думать, что это городская сумашайка, – это могу быть я! Но деревья надо искать, ехать за город или отправляться в хороший парк. А парков в городе мало, да и в тех, что есть, то и дело затевается порубка, так что зарядка от деревьев сопряжена с трудностями. Для добычи энергии придётся энергию тратить, так где смысл?

Люди. Да, от людей можно разжиться энергией, если они жизнерадостны, доброжелательны и не прочь поделиться с вами своими силами. В задаче спрашивается, вы много таких персонажей видели? В существование «энергетических вампиров» я не особенно верю, мне чаще встречаются «энергетические аутисты». То есть те, кому едва-едва хватает энергии для личного потребления, они её берегут, скрывают в глубинах, и подзарядиться от них нечем.

А искусство? Может ли оно зарядить человека? Я часто бываю, скажем, в художественных музеях. Конечно, это отличное приключение для мозга и души. Но после нескольких часов, проведённых среди бесспорных шедевров, чувствуешь скорее какую-то вымотанность. Явно устаёшь. Музеи заряжают, так сказать, в дальней перспективе, но реальную, сегодня и сейчас живущую в индивиде энергию забирают и тратят. Культурное обогащение – энергозатратный процесс.

Может быть, театр? Там на сцене живые люди, от них ведь бегут силы и токи в зал? Вспоминаю, сорок пять лет назад в Московском театре имени Ленинского комсомола состоялась премьера музыкального спектакля «Тиль» (драматург Г. Горин, режиссер М. Захаров, композитор Г. Гладков, в заглавной роли Н. Караченцов). Чудом я, школьница, попала на спектакль и была им оглушена и потрясена, потом специально приезжала в столицу попасть на «Тиля». Окунуться в неимоверную грозу и бурю этой уникальной постановки, где артисты не ходили, а летали по сцене, где на зрителя обрушивались живительные потоки созидательной светлой энергии… То есть да, от театра зарядиться можно. Было. Сейчас нет никаких гарантий, что, посетив очередное издевательство над классической пьесой, вы получите хоть полпроцента «зарядки». Скорее, это вас опустошат, вашу энергию выкачают…

Так как нам заряжаться? Так и заряжаться: сон, вода, деревья, хорошие люди. Искусство? Попробуйте перечитать раннего Чехова, Булгакова, Аверченко и Тэффи. Мне лично помогает.

Одним словом

Сижу себе у воды (река, озеро, залив, всё годится), с интересом рассматриваю книжку-карту дорог России и невольно прислушиваюсь-присматриваюсь к людям. Интересно же – где ещё встретишь столько незнакомых соотечественников в их первозданной непосредственности тела и души.

Люди у воды, конечно, раскрепощаются, отдыхают, вольничают, шалят, но, в общем, ничего особенного не происходит. Если две молодые пары с детишками, общаясь между собой на полянке у озера, не в силах сказать ни одной фразы без мата, то, надо думать, та же обстановка царит у них и в доме. Поэтому детишки, на этом выращенные, воспримут мат как языковую норму. Всё понятно, но в общественном месте я не обязана это слушать. Поэтому делаю замечание. Спокойно, без агрессии. Но и без всякой надежды на успех.

Говорю и сама себя ругаю – зачем связываюсь, глупо и бесполезно. Ан нет! Компания моих невольных соседей замолкла и задумалась. Ничего они мне не ответили, а стали говорить тише и осторожнее. Как бы взглянув на себя и услышав себя со стороны.

И я поняла, что это для них в новинку. Они, не задумываясь, вели себя так, будто они дома среди своих, в эдакой психологической коробочке, и вдруг ОСОЗНАЛИ, что вокруг – общество. И хорошо бы, как говорится, следить за метлой и фильтровать базар, то есть лицемерить и изображать культурных, поскольку их первобытная непосредственность не всем нравится. Сбить инерцию поведения мне удалось всего лишь одним словом!

Ободрившись, я стала двигаться дальше. Вот двое плотных мужчин среднего возраста выходят на берег, и один из них огорчённо подбирает бутылку. «Эх, люди!» – вздыхает он. И я его понимаю. Эх – люди стали чуть получше, но в целом гадят и мусорят ужасно. Однако мужчина ещё недотягивает до культурного просветителя, имеющего право обличать невежество. «Вы вот людьми недовольны из-за мусора, а сами сейчас в озере матом ругались», – замечаю я ему (спокойно, без агрессии, тут главное – без агрессии). О чудо! Мужчина смотрит на меня ясными серыми глазами и отвечает: «Да-а… вы правы. Извините…» Хороший это был человек. Он тоже из бессознательного состояния пришёл в сознательное. Сработало! Одно слово сработало. Стало быть, эволюция поведения в обществе возможна.

Если есть точный общественный договор насчёт того, что можно и чего нельзя (а насчет мусора и мата такой договор есть), то людям доброй воли надо всего лишь спокойно, без агрессии, заявить свою позицию. Сбить инерцию поведения у тех, кто не видит себя со стороны, живёт бессознательно. Запустить у них механизм рефлексии. Только надо правильно выбрать интонацию, чтобы не вызвать раздражения. И в людях надо немножко разбираться – есть такие типчики, что им лучше никаких замечаний не делать вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.